

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГБОУ Алтайский государственный педагогический университет

УСТНАЯ ИСТОРИЯ (ORAL HISTORY)

в современной
исследовательской практике
на постсоветском пространстве

Ответственный редактор –
доктор исторических наук
Т. К. Щеглова

Барнаул • 2017

УДК УДК 930.2+94(470)

ББК 63.0я4+63.1(2)я4

У808

Ответственный редактор –
Щеглова Татьяна Кирилловна,
доктор исторических наук, профессор

У808 Устная история в современной исследовательской практике на постсоветском пространстве : сборник научных статей / отв. ред. Т. К. Щеглова. – Барнаул: Алтайский государственный педагогический университет, 2017. – 238 с.

ISBN 978-5-88210-900-3

Авторами данного издания являются исследователи России, Армении, Казахстана, участники секции «Устная история как метод и источник этнографических исследований» XII Конгресса антропологов и этнографов России (г. Ижевск, 2–6 июля 2017 г.). В нем рассматриваются вопросы истории и методологии устной истории на постсоветском пространстве, способы и результаты использования устной истории в социо-гуманитарных исследованиях. Предметом исследования являются антропологические аспекты таких исторических событий XX столетия, как репрессии и война, связанные с травматическими местами исторической памяти, а также феномен антропологии советскости и значение устной истории для культурной антропологии.

Издание представляет интерес для историков, этнографов, антропологов, специалистов в области источниковедения, методов исторических исследований, теории и методологии истории.

ISBN 978-5-88210-900-3

© Т. К. Щеглова, концепция, составление, редактирование, 2017

© Алтайский государственный педагогический университет, 2017

G. H. Shagoyan

Oral History Video-recording As Research Method and a Source of the Stalin Era Repressions in Armenia

Senior researcher at the Institute of Archaeology and Ethnography, National Acad. Sci. Armenia

Abstract. The author discusses some problems she had encountered with when analyzing interviews that have been taken for an oral history project on Stalin era repressions in Armenia. On the base of the same field material, a documentary was planned to be produced, and some 15 interviews were repeated for professional shooting. This gave an opportunity to compare narratives of the same people recorded in different conditions. As a result, a number of methodological problems became visible related with gender differences in narratives and in practices of representing the memory on repressions. Through the texts of the second generation, the peculiarities of “female narrative” were revealed irrelevant to the narrator’s sex. The “female text” of the second generation allowed not only to verbalize women’s position depending on the conditions of repressions, but also to see the “female subjectivity” which combines the soviet ideology with the norms of traditional society and, depending on the situation, quickly switches over from one code to another. **Keywords:** *oral history, repressions, gender, memory, post-memory, deportation of the Armenians.*

Щеглова Татьяна Кирилловна

Становление и развитие российской устной истории (oral history) в 1980–2010 годы в контексте общественно-политической и научной жизни России и в сравнении с международными традициями устной истории¹

Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируются факторы и причины возникновения устной истории России в контексте перестройки, развития исторической науки и международной практики; выявляются страноведческие особенности российской устной истории в сравнении с зарубежной американской и европейской устной историей. Характеризуются условия и участники процессов институализации устной истории, темы и направления устноисторических исследований на протяжении 1980–2010 гг. Описываются образование и деятельность первых научных обществ устной истории в России, их цели, задачи, формы работы. Делается вывод о различиях между столичными и региональными центрами устной истории, описывается их деятельность, выделяются этапы в их развитии, определяются направления, формы и темы столичных и провинциальных центров устной истории. Выявляются новые тенденции на современном этапе российской устной истории, в частности переход от разработки табуированных тем и ликвидации источникового голода к антропологизации исследовательской деятельности центров устной истории. **Ключевые слова:** *перестройка, постсоветский период, российская историческая наука, российская устная история, столичные и региональные центры устной истории, формы, направления, тенденции деятельности, российские устные историки.*

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 16-21-200001.

Устная история как «oral history» в России прошла тридцатилетний период развития¹. Страноведческие особенности устной истории в международной практике определяются прежде всего историческим прошлым того или иного общества, его исторической памятью. Влияли и другие факторы, которые обусловливали специфику развития устной истории в той или иной стране (например, развитие устной истории как «истории снизу» и/или «истории сверху»), направления и темы исследований и т. д. Факторы и причины могли быть объективными и субъективными: например, для устной истории России и стран СНГ большую роль играют менталитет общества, историографические традиции, состояние источниковой базы. Большое влияние в России, как и в любой стране, оказывает государство, его идеология, его национальная идея, его политические и общественные традиции и институты. Это влияние может быть прямым, что проявляется, например, в запрете или замалчивании тех или иных проблем исторического прошлого и, наоборот, акцентуации на других событиях, явлениях, процессах, их мифологизации, формировании пантеона отрицательных и положительных исторических деятелей и т. п. Влияние может быть опосредованным, через поддержку тех или иных оценок, манипулирование общественным сознанием через моделирование идеологем и стереотипов. В каждом государстве, обществе, социуме сложился свой комплекс факторов, обуславливающий и формы развития устной истории, и направления, и тематику, и темпы и уровень развития.

Различаются в разных странах и обстоятельства развития устной истории, и степень востребованности материалов устной истории научным сообществом, гражданским обществом, государственными институтами. Это зависит и от особенностей процессов формирования государственной национальной идеи и идеологии в образовавшихся на базе социалистических республик молодых самостоятельных государств [1–2]. Для «отпочковавшихся» от СССР/России государств создание «своей отдельной национальной истории» до сих пор является частью процессов суворенизации, формирования независимой государственной политики, развития гражданского общества, введения единого гражданства.

¹ Методы устной истории и ее источники использовались и в мировой, и в отечественной практике издревле, в том числе на протяжении всего XX века. Наиболее плодотворными в этом отношении в России являлись 1920-е и 1940-е гг.

Эти процессы и особенности исторического развития народов влияли и на возникновение и специфику страноведческих устных историй на постсоветском пространстве, их содержание и формы развития. Например, на формирование устной истории Армении повлияли трагические события, обусловленные последствиями раздела исторических территорий формирования армянского этноса, длительного проживания армян на них и перераспределения этих территорий между иными государствами, а также масштабными репрессиями (турецкий геноцид, советские депортации, постсоветские конфликты с Азербайджаном и т. д.), повлекшими за собой перманентные миграции армян и их стремление к консолидации [3].

На развитие устной истории Казахстана повлияла историческая память о голоде 1930-х гг., обусловленном седентаризацией кочевого общества и экспроприацией скота. Определенную роль в развитии устной истории Казахстана играло формирование пантеона «замалчиваемых» национальных героев борьбы с «российской колонизацией». Издержками формирования новых национальных историй при заказе и поддержке молодых государств является создание и новых идеологем, и новых мифологем, и новых стереотипов. Но они остаются вне поля зрения исследователей. Под влиянием этих и других тенденций формируются иные «умалчиваемые темы», лакуны и «белые пятна». Эти новые явления и в государственной политике, и в бытовой жизни не анализируются. Эффективным способом являются в том числе устная история через изучение восприятия у носителей исторической памяти нового научного историописания и новые интерпретации исторического прошлого с помощью интервьюирования участников и очевидцев прошлой советской эпохи.

Так или иначе на развитие устной истории на постсоветском пространстве влияют общие настроения и атмосфера в обществе, политика государства. Но, в отличие от новых официальных национальных историй, устная история в силу своего метода исследования – обращения к исторической памяти и жизненному эмпирическому опыту – дает и альтернативные оценки и точки зрения. Однаковыми же причинами обращения профессиональных историков к устной истории во всех государствах, образовавшихся на территории распавшегося Советского Союза, являлся источниковой голод, обусловленный теми или иными принципами комплектования архивохранилищ, а на обыденном уровне – неудовлетворенность оценками советской официальной истории; несовпадение оценок официальной истории с эмпирическим опытом участников исторических событий и т. д.

Устная история за рубежом

Все эти условия и факторы в комплексе вели к разнообразию путей, причин и времени образования центров устной истории, составе участников устноисторического движения. В США центры устной истории первоначально формировались в русле документоведения и архивоведения. Побудительным мотивом являлся запрос государства и общества на информацию о деятельности выдающихся людей в сфере политики и экономики, которые своей деятельностью не только решали проблемы и вопросы внутреннего развития страны в 1930–1950-е гг., но и способствовали утверждению США на международной арене и превращению ее в супердержаву. Эта направленность государственной идеологии США совпала с моделированием менталитета американского общества. Популяризация американского образа жизни, увеличение роли США как лидера западного мира в противостоянии с СССР в годы холодной войны закрепили внимание исследователей к выдающимся (великим) личностям и на несколько десятилетий обусловили элитарное развитие устной истории в США.

Совокупность социально-политических запросов способствовало, во-первых, тому, что в США первые центры устной истории, возникнув при университетах (Columbia University Oral History Research Office, University of California at Los Angeles) не прижились сразу в университетской среде. Многие из них переместились в архивы и библиотеки – Центр устной истории Трумэна, Центр устной истории Рузвельта, Центр устной истории Форда и автомобилестроения и т. п. Во-вторых, недоверие со стороны академической науки вызвало то, что инициаторами устной истории в США были не только профессиональные историки, сколько журналисты и публицисты, включая «отца устной истории США» – Аллана Нэвинса (Allan Nevins)¹, являвшегося в первую очередь журналистом, а финансировали занятие устной историей собственно сами заказчики устноисторических исследований – крупные корпорации, производственные и научные центры, государственные институты.

Целью интервьюирования стало создание «чистых документов» – создание источниковой базы для историков настоящего и особенно будущего, что, собственно, представляется важным назначени-

¹ Как известно, многие считали его посторонним для исторической профессии человеком. Он начал карьеру журналистом, поэтому был скорее популяризатором науки, нежели исследователем. Работал над биографиями известных политических деятелей. Основная работа – биография основателя американского автомобилестроения Генри Форда.

ем устной истории, и такая позиция имеет свои преимущества. Эта позиция отразилась в выступлении директора библиотеки Трумэна Филипа Брукса на съезде устных историков США в 1966 г., которые собрались, чтобы создать Ассоциацию устной истории США: «Обычный историк интервьюирует живущих людей для достижения своих исследовательских задач, „устный архивист“ собирает материал для будущего его использования другими исследователями, т. е. у него нет конкретной исследовательской гипотезы, которую им нужно доказать или опровергнуть, а значит, такие условия позволяют обеспечить большую объективность собранного материала» [4]. Действительно, подход архивиста к созданию устного исторического источника отличается большей «чистотой», так как он сам не занимается их интерпретацией и не создает для своего исследования источниковую базу. Исследователь, привлекающий устную историю в качестве метода и источника, более зависим от собственной гипотезы, может быть пристрастен в подборке респондентов, формулировке вопросов и моделировании интервью, его интерпретации и т. д. Таким образом, американскую устную историю в период ее становления отличали две особенности: во-первых, интерес к большой политике и крупному бизнесу и, соответственно, к «великим людям и событиям»; во-вторых, рассмотрение устной истории как отрасли архивного дела. В этом смысле устная история США до сих пор служит способом мемориализации исторических деятелей и исторических событий.

Уклон в документалистику американской устной истории не остался незамеченным и российскими архивистами. Первые публикации об устной истории (oral history) отечественных исследователей появились в СССР в профессиональных журналах архивистов. Их авторами также являлись архивисты в союзе с историками [5–6].

В Европе с ее драматическими событиями XX в., революциями и двумя мировыми войнами, историографической традицией повышенного внимания к социальной истории устная история изначально проявила интерес к «человеку массовки». Интерес и сочувствие к его судьбе в масштабных социально-политических и экономических катализмах XX столетия привели устную историю к обращению к разным социальным слоям европейских социальных и этнических сообществ, особенно к уязвимым и маргинальным. Поэтому, в отличие от американской устной истории, европейская устная история приобрела изначально демократический характер и стала прорабатывать такие категории, как «историческая память» — коллективная и индивидуальная, травматическая память и т. д. Вместе с тем вре-

мя и причины приобщения европейских стран к устной истории были разными. Первые общества устной истории появились в Англии и Италии, что было объяснимо. В Англии благоприятными факторами являлись традиции колониальной этнографии, рабочей истории и истории лондонской бедноты в XIX столетии. В Италии значительную роль сыграл фактор масштабности и глубины погружения итальянского общества в события Второй мировой войны, его раскол и развитие движения Сопротивления.

Во Франции и Германии общества устной истории возникли позже. В каждой из этих стран были сдерживающие факторы. В развитии устной истории Франции это историографические традиции школы Анналов и авторитет Ф. Броделя. Благоприятными для устной истории Франции были многолетние традиции социал-демократического движения и движения Сопротивления во Вторую мировую войну. В Германии обращение к исторической памяти было сопряжено с послевоенным травматизмом и покаянием за нацизм. Поэтому устная история пришла в Германию через развитие нового направления исторических исследований – «историю повседневности». Она открыла более щадящие пути обращения к исторической памяти. Но в совокупности все страноведческие национальные школы устной истории Европы объединял интерес к «истории нижних этажей общества» через их оценки, мнения, суждения, то, что получило название «история снизу». Это дало основание характеризовать устную историю Европы на стадии ее становления как демократическое направление европейской устной истории, в отличие от элитарной американской устной истории.

Становление и развитие российского варианта *oral history* в 1980–1990-е гг: историческая логика событий в столицах и провинции

Появление *oral history* в России. Условия и факторы. Формированию отечественной устной истории на рубеже 1980–1990-х гг. как *oral history* способствовала нарастающая политизация российского общества в период перестройки и объявленной гласности. Центрами становления устной истории стали университеты. Но пути формирования устной истории, направления работы, а порой и цели различались в столичных городах и в провинции.

Московский клуб устной истории МГИАИ. Первый центр устной истории как *Oral history* был образован в Московском государственном историко-архивном институте в 1988 г. Это событие было за-

кономерным. Во-первых, потому что Oral history в зарубежной практике была тесно связана с формированием архивов – устных архивов. Во-вторых, потому что именно отечественные архивисты первыми освоили зарубежный опыт и познакомили российских исследователей с Oral history как направлением по созданию документов. В профессиональном журнале «Советские архивы» появились публикации, раскрывающие определения «устной истории», описывающие опыт использования методов устной истории в комплектовании архивных фондов, и т. п. [7–8]. В этом смысле можно говорить, что устная история в России возникла не в 1980-е, а в 1960–1970-е гг., и как в США – отрасль архивоведения. Но проникла она в СССР точно через архивоведение как способ формирования фондов госархивов документами личного происхождения.

Основными причинами возникновения центра устной истории в Москве стали процессы, которые происходили в обществе под влиянием перестройки. Традиционно эпицентром этих процессов на огромной территории России стала столица. История российского государства XX в. показывает, что именно столице принадлежала ведущая и определяющая роль во всех кардинальных переустройствах, насильтвенных или мирных. Так, Москва (и Санкт-Петербург) определяли характер, формы и темпы перестройки, сопровождавшейся политизацией и активизацией общественной жизни административного мегаполиса. События на периферии возникали в ответ на события в столице и, как продемонстрировала многовековая российская история, не имели решающего влияния ни на ход, ни на накал преобразований. Эта особенность российской истории, обусловленная значительными территориями и жесткой вертикалью власти, обеспечивающей целостность территории обширной страны, отражается в бытующем обыденном присловье – «всё решается в Москве», «всё решается *наверху*». Какими бы ни были события на периферии, инициатива преобразований, в том числе смена власти, ход процессов, формы, способы и пути преобразований определялись столицей.

Важными причинами обращения к устной истории и в столичном обществе, и в МГИАИ стали политизация интеллигенции в годы перестройки, возникновение оппозиционных настроений, начало правозащитного движения, рост протестных настроений и феерический процесс образования общественных организаций. Все эти факторы так или иначе повлияли на создание Московского клуба устной истории при МГИАИ в середине 1980-х г. Инициаторами в первую очередь стали студенческая молодежь и поддержавшие пере-

стройку профессура и преподаватели. На их позицию оказали влияние и попытки модернизации партийных институтов советско-социалистической системы, и бурное развитие общественно-политического движения.

Традиции активной гражданской позиции университетского общества идет из XIX в., с постдекабристской эпохи, когда общественное движение переместилось из армии (декабристские общества существовали в армии) в университетскую среду; из дворянских салонов — в студенческо-преподавательские кружки, когда в 1830-е гг. Московский и Санкт-Петербургский университеты стали центрами общественной мысли. А формирование российских мировоззренческих подходов и направлений общественной мысли рождалось в переосмыслении философского и идеально-политического наследия западных мыслителей — в частности, в отходе от декабристского увлечения теориями просвещенного абсолютизма французских философов и освоении рождающейся мощной новой немецкой философии (Гегель, Кант, Фейербах, Шелинг, а позже К. Маркс и Ф. Энгельс), а также утопического социализма (Фурье, Сен-Симон, Оуэн). На освоении новых философских доктрин собственно рождался и российский либерализм как «двуликий Янус» с двумя отечественными мировоззренческими теориями — западничеством и славянофильством, и демократическое движение («фурьеризм» — Петрашевский, Огарев, «крестьянский социализм» — Чернышевский, «русский социализм» — Герцен); панславинизм; анархизм и другие оригинальные мировоззренческие доктрины. И с 1830 до 1880-х гг. инициаторами претворения тех или иных доктрин в обыденную жизнь выступала молодежь. Именно при университетах или с их участием возникали разные легальные и нелегальные кружки, сменившие традицию развития общественной мысли в дворянских салонах (салоны Трубецких, Волконских и др.), которые взяли на себя и хождение в народ, и агитацию, и террор.

Таким образом, в России «революционизация» и «революционное возбуждение» во всех поворотных исторических временах охватывали наиболее активную и бесстрашную часть российского общества — молодежь. Так же как традиционным для российского общества являлось особое «возбуждение» российской интеллигенции, которая всегда отличалась склонностью к самопожертвованию ради идеалов. Это позволило в Оксфордском словаре в статье «интеллигенция» выделить и дать определение единственному национальному отряду — «интеллигенция российская». Ее возрастающая сила

проявилась во время «оттепели» и «гласности» эпохи Александра II. Как известно, эти понятия возникли именно в 1850-е гг., в преддверии реформы 1861 г. и при допущении общественности к обсуждению исторических перспектив после николаевской политики «железного занавеса» (также понятие из XIX в.). Сравнивая период рубежа 1950–1960-х гг. (перед и после отмены крепостного права) с периодом перестройки 1980-х гг., можно провести некоторую аналогию. Сходство проявлялось в атмосфере «возбуждения» в образованной среде столичного общества второй половины 1980-х гг., что способствовало перенесению (освоению) oral history на российскую почву и ее «перевариванию» в университетской исследовательской среде и в молодежном общественно-политическом движении.

Показательным в этом отношении является оценка состояния городского общества Москвы в беседе Алексея Пятковского с Ярославом Леонтьевым, выпускником МГИАИ, членом московского клуба устной истории (член Совета НИПЦ «Мемориал», доцент МГУ). Участник тех событий в своей интерпретации атмосферы в университетской и молодежной среде провел параллели между созданием клуба устной истории в МГИАИ и широкими общественными инициативами, в ходе которых родился и Московский народный фронт, и «Мемориал», и другие общественные организации, ставшие участниками последующих процессов перестройки: «Летом 88-го года... я познакомился с группой „Социалистическая инициатива“, с которой стал взаимодействовать и в которую затем вступил в качестве индивидуального члена. (Вступив в группу СИ, я продолжал оставаться председателем клуба „Былое“). В качестве представителя этой группы я и принял участие в первых шагах по созданию Московского народного фронта. Так, мне памятно довольно бурное организационное заседание 3 июля на квартире Евгения Дергунова на Тверской, речь на котором шла о выработке какого-то программного документа (но еще не Хартии МНФ). Это было собрание представителей различных групп, входивших в оргкомитет Московского народного фронта. В оргкомитет, создание которого произошло во многом по инициативе ФСОКа, тогда входили представители в том числе „Общины“ и группы „Мемориал“, созданной Дмитрием Юрьевым, Мариной Морозовой, Димой Леоновым и еще несколькими людьми, которые начинали „мемориальное“ движение на Пушкинской площади и возле Парка культуры со сбора подписей в поддержку создания мемориала в память жертв политических репрессий сталинского времени (не путать эту группу с будущим обществом «Мемори-

ал»)... на этом собрании присутствовали и представители „Гражданского достоинства“ Золотарева... Там появлялись Сергей Станкевич, будущий депутат Верховного Совета России от МНФ... неуправляемый Герман Иванцов, представлявший младомарксистов (или как они там назывались?), но весьма друживший с „Общиной“. У Германа был свой клуб, располагавшийся недалеко от „Профсоюзной“... Потом началась структуризация Московского народного фронта, стали возникать его территориальные группы... Потом... то напряжение, которое вызвала публикация известной статьи Нины Андреевой в „Советской России“... А вот в ответ на известное заявление Егора Кузьмича Лигачева: „Борис, ты не прав“ такая кампания уже последовала... И в той кампании я сам принял участие. Помню, как я расхаживал по Историко-архивному институту с самодельным значком с надписью: „Борис, ты прав“, изготовленным, по-видимому, кем-то близким к оргкомитету МНФ» [9].

Возникающие многочисленные общественные группы и организации в периодической печати часто называли «наследниками диссидентов» (по аналогии с хрущевской «оттепелью») – «неформальными». В этом многоголосье решающую роль играли голоса творческой интеллигенции, среди них и ученые МГИАИ – историки и архивисты. Частью «архивистского мышления» процессов стало осознание эпохальности происходящих событий и необходимости их «задокументировать». Это вылилось в попытку организации Центра документации «Народный архив» с участием Московского клуба устной истории.

Одним из его создателей был руководитель отдела неформальных общественных организаций Ярослав Леонтьев. Он так рассказывал об этом: «Я присутствовал при учреждении „Народного архива“ и возглавлял названный отдел с самого создания архива... Это происходило в 89-м году. Была реализована встречная идея нескольких человек, в частности клуба „Устная история“ в МГИАИ, в работе которого принимали участие я и Максим Никулин. Клуб в это время возглавлял доцент МГИАИ Валерий Олегович Сидельников, а активное участие в работе принимал Никита Охотин (от „Мемориала“), а также небезызвестный ныне телепродюсер Дарья Хубова, которая и по сей день руководит лабораторией устной истории РГГУ. Не помню точно, сразу или чуть позже к этой работе подключилась Татьяна Горячева (ныне – директор Российского госархива литературы и искусства), которая занималась видеоматериалами. Эти люди и объединились в проекте Центра документации „Народный архив“ на ба-

зе МГИАИ, во главе которого встал близкий в тот момент к Афанасьеву (ректор МГИАИ) Борис Семенович Илизаров»¹ [9].

Устное свидетельство Я. Леонтьева подтверждает, что в России первыми оценили значение устной истории архивисты (для комплектования архивов). Именно студенты и выпускники были активными участниками Московского клуба устной истории МГИАИ. В частности, одним из руководителей был Олег Вячеславович Моисеев, который с отличием окончил Московский историко-архивный институт, а с 1988 г., по его словам, «профессионально занимался устной историей, руководил клубом «Устная история» Московского историко-архивного института» [10].

В этом смысле можно сказать, что активизация общественно-го движения, критика и пересмотр оценок исторического прошлого, заявленные экономические и социальные реформы, модернизация партийных учреждений и институтов политической власти – все они в комплексе факторов и условий способствовали созданию Московского клуба устной истории. На первом этапе его деятельности сформировались и смешались две функции. Первая – политическая, что проявлялось в участии в бурных общественных движениях и формировании «нового мышления» (также термин из XIX в.); вторая – исследовательская, что вылилось в организацию устноисторических исследований, в том числе в сбор полевых материалов опросов и интервьюирования участников тех исторических событий, которые в период перестройки попали в эпицентр общественных дебатов. Так, во второй половине 1980-х гг. в ходе экспедиций членов Московского клуба устной истории и студентов МГИАИ велось исследование темы голода на Украине в начале 1930-х гг. [11], темы раскулачивания 1933 г. на Кубани и других ранее запретных тем.

Советская Ассоциация молодых историков и формирование постсоветской историографии. Именно спрос российского общества на исторические интерпретации ранее табуированных тем вдохновил молодое поколение историков на создание Советской ассоциации молодых историков. Сама Советская ассоциация молодых историков с участием Сергея Станкевича и Евгения Кожокина создавалась в том же 1988 г., в русле тех же процессов, что и создание Международного фронта, «Мемориала» и в кругу тех же имен, в том

¹ Известный историк, д-р ист. наук, профессор РГГУ, с 1996 г. – главный научный сотрудник ИРИ РАН. Так же как и С. О. Шмидт (руководитель Д. Н. Хубовой), он руководил одной из немногочисленных защищенных в России диссертаций по устной истории, в частности диссертацией М. В. Мокровой по устной истории науки Москвы.

числе членов Московского клуба устной истории. Одна из задач ассоциации была связана с поддержкой исследований – «объективных и достоверных», в том числе и по ранее запретным темам. Этому способствовала и начавшаяся модернизация ВЛКСМ. Куратором от комсомола в создаваемую Ассоциацию вошел Константин Федорович Затулин. Организаторы видели в создании ассоциации реализацию новых подходов в историописании и пересмотр итогов исторических исследований в советской историографии с ее идеологическим штампами и агитпропом.

Ситуация противопоставления постсоветской и советской историографии сформировалась именно в те годы. Так всегда происходило и происходит при смене идеологий и партийно-государственных доктрин. Можно провести еще одну аналогию – между ситуациями рубежа 1980–1990-х гг. и 1920-х гг., когда новое советское государство после революций 1917 г. заказало новую историю в противовес имперским традициям историописания. Советские историки противопоставлялись дореволюционным, которые были условно ранжированы на группы – дворянские, буржуазные, либеральные. На государственном уровне это вылилось в создание Института красной профессуры для подготовки новых кадров, а на «производственном уровне» – в создание Истпарта и начало массового «хождения в народ», в том числе привлеченных академических (кабинетных) историков, за информацией. Целью перед ними ставилось фиксирование новой информации о происходящем в последние десятилетия через рассказы участников тех исторических событий и явлений, которые замалчивались или имели стереотипные устоявшиеся оценки в дворянской официальной историографии [12]. Для этого были использованы методы опроса, написаны первые методические рекомендации проведения интервью (индивидуального и группового) и фиксации устного рассказа стенографистами (в то время служившими альтернативой техническим средствам фиксации). Это дает основание рассуждать и о более раннем развитии устной истории в России, по крайней мере развитии ее методов и ее источников [12]. В результате «перезагрузка положено начало формированию новых советских мифологем ки» исторической науки взамен дореволюционным идеологем были стереотипов.

В 1990-е гг. также началась «перезагрузка» исторической науки с противопоставления советской историографии постсоветской. Но постсоветские научные парадигмы также подвергались и подвергаются влиянию новой политики и идеологии, что сопровождается

формированием очередных мифологем и стереотипов. Появляются «правильные» и «неправильные» историографии, «достоверные и недостоверные» источники, в историографическом анализе утверждается очередная идеологема — «в современной историографии, в отличие от советской, пронизанной марксистско-ленинской идеологией...». Она сопоставима с формулой историографии 1930–1980-х гг. «в советской историографии, в отличие от дворянской...». В результате формируются новые традиции историописания на уровне как обобщающей истории, так и индивидуальных научных трудов. Такую своеобразную и, как оказалось, «неизбежную» формализацию историков можно сравнить с «танцем дикаря перед охотой». Ритуал критики советской историографии стал обязательным при написании и издании современной литературы, написании и защите квалификационных работ, также как у советских историков существовал обязательный ритуал критики дворянской историографии и критики рецензии буржуазной историографии, что сейчас и ставится им в вину.

Как любая идеологема, противопоставление постсоветской литературы советской стало обязательным при историографическом обзоре на уровне как диссертационных исследований, так и студенческих учебных работ. Порой доходит до «историографических» казусов, когда имена одних и тех же историков оцениваются в характеристике советской школы как одиозные, ангажированные и «неправильные», а в постсоветской историографии — как примеры добросовестности, объективности и достоверности. Это связано с тем, что границы в систематизации научной литературы базируются на хронологическом принципе — дореволюционная, советская, постсоветская, — что, собственно, само является идеологемой. Формирование подобных историографических мифологем при кардинальных сменах власти в России в XX в. и под влиянием очередных режимов превратилось в традицию отечественных гуманитарных наук.

Общество устной истории в СССР. Советская ассоциация молодых историков существовала недолго, но оставила после себя несколько важных результатов. Одним из них и стало создание при активном участии Московского клуба устной истории общества устной истории и проведение первой, по сути дела, учредительной конференции по устной истории. Произошло это 27–28 ноября 1989 г. в Кирове на базе университета, где работал один из инициаторов канд. ист. наук В. А. Бердинских. В истории она осталась как Первая всесоюзная научная конференция «Проблемы устной истории в СССР», на которой было создано Общество устной истории как до-

бровольное общественное объединение при Советской ассоциации молодых историков. Всех участников, и представителей Московского клуба устной истории, и Советскую ассоциацию молодых историков и заявленное Общество устной истории объединяли протестные настроения, молодой энтузиазм, заряженность на преобразованиях и решимость «идти в народ» за информацией особенно для получения информации по запретным ранее темам – репрессий, депортаций, раскулачивания. Следствием принятых на конференции решений стали экспедиции, полевые исследования и первые публикации с введением «рядовых участников» исторических процессов в исторические повествования. Участники конференции сыграли в последующие годы большую роль в популяризации устной истории в России. В частности, на рубеже 1980–1990-х гг. были опубликованы в журнале «Волга» работы [13–15].

Создание Общества устной истории в определенной степени стало началом переориентации устной истории с общественно-политического «пыла» на исследовательскую работу с включением в эти процессы университетов российской провинции, которые как раз и ускорили признание устной истории в качестве самостоятельного направления исторических исследований. Этому способствовало и включение в программу кировской конференции ряда сугубо научных вопросов: устная история как метод и источник изучения истории XX столетия (В. А. Бердинских, г. Киров), устная история как способ обновления исследовательских технологий, источниковые и методологические аспекты устной истории (Д. П. Урсу, г. Симферополь). Все они так или иначе были связаны с источниковым голодом и проблемами истории XX столетия советского периода.

Лаборатория устной истории в РГГУ и Д. Н. Хубова. Дарья Никитична Хубова известна тем, что создала на базе Московского клуба устной истории при Историко-архивном институте первую в России лабораторию устной истории. Эта лаборатория работала в РГГУ (бывшем МГИАИ) с начала 1990-х гг., многие ее сотрудники активно участвовали в общественно-политической жизни Москвы и поддерживали обновление руководства МГИАИ, когда новым ректором стал один из глашатаев перестройки Ю. Н. Афанасьев. Поддержка новой лаборатории ректоратом была обусловлено рядом факторов. Во-первых, архивисты уже освоили зарубежный опыт *oral history* и признали устную историю важным методом создания новых исторических документов. Ведущие профессора О. С. Шмидт и Б. С. Илизаров стали научными консультантами молодых устных историков МКУИ. Во-вторых,

МГИАИ, а затем РГГУ в период перестройки и смены государственной парадигмы находился в гуще общественно-политических баталий, в том числе благодаря позиции тогдашнего ректора Ю. Н. Афанасьева. Его вклад и вклад Илизарова состоял в признании устной истории как способа создания документов и создании по горячим следам перестройки «Народного архива». Очевидцы писали, что историки – сторонники перестройки «объединились в проекте Центра документации „Народный архив“» [16], во главе которого встал близкий в тот момент к Афанасьеву Борис Семенович Илизаров» [9].

В. П. Козлов, руководитель Федеральной архивной службы России, так оценивал роль «новых историков»: «Новый этап в судьбе МГИАИ оказался связан с Ю. Н. Афанасьевым, историком... яркая личность» которого «заставила засверкать МГИАИ огнями либерального гуманитарного центра... Институт стремительно политизировался в духе тогдашних радикальных демократических идей, пропагандировавшихся его ректором» [17]. В РГГУ были созданы такие новые подразделения, как Центр документации «Народный архив», научно-исследовательская лаборатория «Устная история», другие проблемные лаборатории, выполняющие научные программы по истории политических партий и движений, электронные архивы.

Собственно частью этих преобразований стало и создание на базе Московского историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета, по словам нового ректора, как альтернативы другим «заскорузлым гуманитарным вузам», с сохранением МГИАИ как архивного института в его составе. Новый директор института Е. В. Старостин обещал сохранить «богатые традиции подготовки кадров историков-архивистов», а среди перспектив назвал создание «специализации по экономическим и аудиовизуальным архивам, она начнет функционировать с нового года. Лаборатория по устной истории также будет работать в рамках Историко-архивного института» и т. д. [17].

Вхождение Д. Н. Хубовой в устную историю схоже с путем многих зарубежных устных историков, соединявших в своей деятельности журналистскую и научную работу. Интервьюирование как метод является важнейшим инструментом журналистики и может быть адаптировано к историческим исследованиям. Д. Н. Хубова как тележурналист¹ с 1989 г. активно сотрудничала с британским телеви-

¹ В определенной степени повлияла и семейная традиция – ее отец является известным кинорежиссером.

дением в области документального кино («Hand of Stalin», 3 серии, «Gulag», 2 серии, «PeoplePower», «Dancing for Money», «Death of Nation» др.). С 1997 г. стала работать на российском телевидении («Собрание заблуждений» с А. Гордоном, ОРТ; «Процесс» с А. Гордоном и В. Соловьевым, ОРТ; ежедневная программа «Гордон», НТВ). С 2008 г. она стала главным редактором телеканала «Телекафе», с 2010 г. — членом Академии российского телевидения. Соединение журналистики с устной историей и устной истории с журналистикой стало органичным путем в международной практике. Интервью выводило журналистов на историю в жизненных биографиях людей, и они становились историками. Для журналистов история давала интересную информацию, часто сенсационную и эксклюзивную, до которой так «охочи» журналисты. Для историков интервью стало также способом получения информации, и многие становились публицистами, журналистами, писателями, не переставая быть историками, или сочетали в творчестве и то, и другое¹. Таким образом, и журналисты, и историки открыли огромные возможности «oral history» для исторических исследований в тот момент, когда российское общество потребовало исторической правды.

Обращению Д. Н. Хубовой как исследователя к устной истории способствовали владение языками и стажировки в зарубежных университетах — Амстердама (1989–1990) и Мичигана (1993–1994). В 1992 г. Д. Н. Хубова первой из российских исследователей под руководством С. О. Шмидта на кафедре истории и организации архивного дела Историко-архивного института РГГУ подготовила и защищила диссертацию по устной истории «Устная история и архивы: зарубежные концепции и опыт» [18]. В этом событии соединилось несколько факторов: профиль кафедры архивного института, профиль научного руководителя, признанного и авторитетного историка Сигурда Оттовича Шмидта, главы созданного Всероссийского общества краеведов, знатока краеведческих исследований и методики краеведческой работы, в которой всегда использовались опросные технологии (он является и автором серьезных публикаций по устной истории); наконец, тема кандидатской диссертации Д. Н. Хубовой не выбивалась из той проблематики, которую прорабатывало отечественное архивоведение с 1970-х гг. МГИАИ, как вуз по подготовке архивистов, осваивал международную практику устной истории по комплектованию фондов прежде всего документами личного происхож-

¹ Д-р ист. наук В. А. Бердинских является членом Союза писателей.

дения тех деятелей, которые оставили значительный след на уровне страны или региона или являлись участниками событий, внесенных в пантеон великих достижений.

Но наряду с дальнейшей разработкой темы устной истории как отрасли архивного дела Д. Н. Хубова использовала методы устной истории в исследовательской практике, участвуя в экспедициях по изучению голода и раскулачивания 1932–1933 гг. на Кубани. Результатом стал ряд публикаций [19]. Одна из них в новационном проекте Ю. Н. Афанасьева [20] в рамках комплексной научно-издательской программы «Новая информационная среда преподавания гуманитарного знания в высшей школе России» [21]. В выборе исследовательских тем сотрудники лаборатории устной истории РГГУ руководствовались теми же мотивами, что и западноевропейские историки — заполнение «лакун истории», «ликвидация белых пятен» отечественной истории и создание на основе исторической памяти источников по этим пробелам. В целом эта мотивация послужила важной особенностью возникновения российской устной истории, сконцентрировавшейся в начальный период в университетах столичных городов вокруг табуированных тем.

Лабораторией и Д. Н. Хубовой сделано было много для становления устной истории в России, в том числе в части разработки учебно-методических рекомендаций для использования устной истории в исследованиях. В этом отношении именно ей принадлежит первая разработка по устной истории на русском языке, которая была размещена на созданном лабораторией первом сайте по устной истории [22]. Собственно, на этом этапе состоялся и опыт сотрудничества автора с лабораторией устной истории РГГУ, который проявлялся в том числе в участии группы РГГУ, состоящей из иностранных студентов в руководимых автором историко-этнографических экспедициях студентов исторического факультета БГПИ в 1993 г. на территории Смоленского района Алтайского края.

Лаборатории устной истории РГГУ и Д. Н. Хубовой принадлежит и первенство в продвижении отечественной устной истории на зарубежном историографическом поле. Так, в газете «Коммерсант» в 1993 г. была размещена информация о том, что «Дарья Хубова, руководитель лаборатории Oral History Российского государственного гуманитарного университета, прибыла в Москву из Мичигана. Корреспонденту „Ъ“ г-жа Хубова рассказала, что ее поездка в США была связана с участием в работе международного семинара по культурной антропологии. Г-же Хубовой также удалось собрать обшир-

ный материал по истории российской эмиграции. Кроме того, в США г-жа Хубова провела переговоры о возможном использовании документальных фильмов „Ворота в Дзунхару“ и „Русская сага о монгольской негритянке“, снятых сотрудниками лаборатории в последних экспедициях» [23].

К сожалению, с уходом «детей перестройки» из лаборатории в другие сферы – политику, телевидение, бизнес – лаборатория устной истории утратила свое лидерство. Этому способствовал и длительный перерыв, связанный с сложными процессами в самой стране и в вузе. Лаборатория устной истории, попав в эпицентр дебатов, после ухода команды Ю. Н. Афанасьева фактически свернула свою деятельность и постепенно прекратила существование. Но наработки по устной истории трансформировались в курсы, которые реализуются высшей школой источниковедения, вспомогательных и специальных исторических дисциплин ИАИ РГГУ в рамках общеуниверситетской научно-образовательной программы «Родные корни: генеалогия, устная и семейная история» кафедры источниковедения. Для ее реализации подготовлен межфакультетский учебный курс по устной истории, издана программа этого курса и разработано соответствующее учебное пособие.

Традиции лаборатории устной истории обращения к исторической памяти продолжают ряд современных центров, созданных в РГГУ. Это, в частности, Учебно-научный центр социальной антропологии (директор – Валерий Александрович Тишков¹). Особенность данного центра в том, что, кроме проведения научных исследований по социальной и культурной антропологии, научный центр имеет свою кафедру и факультет на базе университета РГГУ, который готовит специалистов в области устной истории. В частности в его проекте «Социальная антропология малого российского города» все его участники совершили выезды в изучаемые города с целью проведения полевой работы. Полевые исследования охватили обширные районы – от Новгородской области на севере до Краснодарского края на юге, от Калининградской области на западе до Алтайского края на востоке, в том числе работали с личными и семейными архивами, изучали устную историю, современный городской фольклор. Другим центром РГГУ стал открытый в 2006 г. Учебно-научный центр

¹ Для которого история развития устной истории являлась частью его промежуточных интересов в работе над книгой: История и историки США. М.: Наука, 1985. 352 с.

визуальной антропологии и эгоистории (рук. Н. И. Басовская), который занимается записью и выпуском видеомемуаров¹.

В. А. Бердинских, Д. П. Урсу и «Общество устной истории в России». На эволюцию устной истории от общественно-политического и социально-реабилитационного движения к научному в 1990-е гг. повлияла деятельность В. А. Бердинских и Д. П. Урсу. Виктор Аркадьевич Бердинских, который стоял у истоков устной истории в России, получил диплом историка и кандидата исторических наук в Горьковском госуниверситете, а докторантуру окончил уже в РГГУ в 1994 г., в период деятельности лаборатории устной истории. Им написаны первые в России работы, апробированные в «толстых» журналах советской эпохи («Волга» [13–15, 24]) с использованием материалов устной истории. В центре внимания исследователя в его поездках находилась жизнь носителей крестьянской культуры и судьбы крестьянских семей в период раскрепощения.

Позже на основе этих наработок вышла монография В. А. Бердинских «Крестьянская цивилизация в России» (М., 2001), в которой он писал: «Устная история — новое и замечательное течение в исторической науке России 1990-х гг. — стала для меня компасом в этой работе. Многое пришлось делать впервые. Слишком уж необычен исторический опыт России в XX веке. <...> Единственным источником для нее послужили рассказы моих земляков-вятчан». Развивая дальше это подходит, историк издал монографию «Речи немых. Повседневная жизнь русского крестьянства в XX веке» (М., 2011). В ней он вновь указывал, что она создана в редком жанре «устной истории», так как автор более 25 лет записывал рассказы крестьян, которые и использовал. На современном этапе он остается одним из немногих историков, которые занимаются поиском исторической истины с помощью методов и источников устной истории.

Известный историк, источниковед, д-р ист. наук Дмитрий Павлович Урсу (Симферопольский государственный университет, Одесский госуниверситет) первым обратился к источниковедению и методологии устной истории [25–27]. Историк, д-р ист. наук Владимир Поляков по случаю его смерти 17 февраля 2017 г. совершенно правильно писал о его заслугах в устной истории: «Мало кто знает, что

¹ Видеомемуары Л. П. Талочкина «Я знал их всех» (2005); записаны и выпущены в свет воспоминания Вячеслава Всеволодовича Иванова «Мы были странным исключением» (2008); видеомемуары Г. С. Кнабе «Слышать шепот времени» (2007), А. Х. Бурганова «В России надо жить долго» (2009), рассказ-повествование отца Рувайса о монастыре св. Антония в Египте (2009) и др.

Дмитрий Павлович — один из столпов отечественной „устной истории“. Именно в этом направлении я вижу себя как прямого последователя своего Учителя» [28].

В 1991 г. прошла вторая конференция по устной истории. Главным ее организатором стал В. А. Бердинских. Она прошла на базе университета в Кирове, где он работал. По решению этой конференции третья конференция прошла в 1992 г. на базе Калининградского университета, она проводилась Ю. Кондрашевым. Третья конференция оказалась последней попыткой оживить созданное неформально в России Общество устной истории в СССР, с 1991 г. — Общество устной истории в России. Были изданы небольшим тиражом материалы этих двух конференций, в работе которых приняла участие и автор публикации [29–30]. Участие в двух конференциях показало необходимость институциализации устной истории в России, которая до сих пор так и не состоялась, несмотря на то, что в 2006 г. автором была предпринята попытка реанимировать Всероссийское общество устной истории. На базе Алтайского государственного университета прошла всероссийская конференция «Устная история (Oral history): теория и практика» [31]. В ней приняли участие представители действующих российских центров устной истории в России. Но, несмотря на принятую резолюцию о превращении конференции в периодическое переходящее всероссийское мероприятие с целью воссоздания Общества устной истории в России, консолидации не произошло.

Следствием незавершенности процессов институциализации устной истории, формирования ее организационной структуры и юридического статуса является стихийное и спорадическое развитие устной истории в России на протяжении 1990–2010-х гг. За это время центры устной истории создавались и закрывались. Отсутствие связи между ними, несогласованность методик документирования материалов интервью и архивирования ослабляло и ослабляет позиции отечественной устной истории, в отличие от международной практики исторических исследований XX в., идущей с 1910-х гг. по пути консолидации. Ее результатом стало учреждение сначала всемирного исторического конгресса, а по мере роста объемов исследований, совершенствования методического и методологического инструментария происходит дифференциация по исследовательским полям: экономическая история, социальная история, военная история, политическая история, этническая история и т. д. Формируются тематические международные ассоциации, например Международная ассоциация по экономической истории, которая раз в два года прово-

дит международные конгрессы по устной истории и имеет [32] мощную научно-организационную инфраструктуру, куда входят более 40 стран Африки, Америки, Азии, Европы и Океании: наднациональные ассоциации, национальные (французская экономическая ассоциация), узкоспециализированные наднациональные (европейская ассоциация по истории бизнеса), узкоспециализированные национальные (Французское общество по истории железных дорог), первичные звенья (база) – кафедры, центры, институты экономической истории. Российские историки, занимающиеся экономической историей, входят в это международное сообщество через создаваемые низовые центры: Центр экономической истории при АлтГУ [33], ЧелГУ [34], Научно-исследовательский институт проблем экономической истории России XX в. (Волгоград) [35].

На современном этапе существует и научно-организационная инфраструктура Международной ассоциации по устной истории (International Oral Association History (IOHA) [36]. Отсутствие национальной самоорганизации устных историков ведет к самоустраниению российских исследователей от работы Международной ассоциации устной истории; российские историки спорадически принимают в ней индивидуальное участие. Международная ассоциация устной истории (IOHA) получила формальный статус в июне 1996 г. на Одиннадцатой международной конференции устной истории в Гетеборге, Швеции. Она обеспечивает форум для устных историков во всем мире, способствует расширению международной коммуникации и сотрудничества, а также лучшему пониманию природы и ценности устной истории. Члены Ассоциации встречаются каждые два года в различной областях земного шара.

Таким образом, на постсоветском пространстве обращение к устной истории было сопряжено с кардинальным переустройством государства и общества на рубеже 1980–1990-х гг. Перестройка и гласность раскрепостили и научное познание, и историческую память населения СССР. Лидером стала Москва, как эпицентр всех решавших политических баталий в период смены власти. Научное сообщество и гражданское общество объединили свои усилия по реконструкции исторического прошлого по замалчиваемым ранее темам с опорой на историческую память, связанную прежде всего с масштабными травматическими событиями, такими как раскулачивания, репрессии, этнические депортации, войны и другие запретные для обсуждения в советское время события. Эти темы до сих пор находятся в центре внимания устной истории России.

Акцентуация на трагических событиях во многом обусловлена запросом общества на уровне его ячейки – семьи, которая потребовала справедливости и реабилитации в отношении незаконно и необоснованно репрессированных ее членов, пострадавших на уровне поколения дедов и отцов. Эта тональность, заложенная первыми устными историками на рубеже 1980–1990-х гг., до сих пор отличает российскую устную историю. Объективным фактором является масштаб репрессий, охвативших два десятилетия – 1930–1940-е гг. Фактически они затронули все общество, и, перефразируя слова, относящиеся к Великой Отечественной войне, – что нет ни одной семьи, не потерявшей никого в годы войны, – можно сказать, что нет ни одной семьи, не потерявшей в годы репрессий своих родных или близких. Использование устной информации для процессов реабилитации 1990-х гг. и восстановление исторической справедливости характерно для деятельности многих других российских центров устной истории до сих пор.

Особенности развития устной истории в столичных городах

Связь с общественно-политической жизнью российского государства и общества, обостренное желание исторической реабилитации рубежа второй половины 1980-х и 1990-х гг. были характерны и для другого московского центра – историко-просветительного общества «Мемориал». В его деятельности проявляются тенденции, отличающие развитие столичных центров устной истории от провинциальных центров. Это, во-первых, политизированность в направлениях и темах научных исследований, основанная на правозащитной деятельности прошлого и настоящего. Во-вторых, это финансовая поддержка деятельности «Мемориала» и других столичных центров зарубежными и отечественными благотворительными грантодателями¹. В-третьих, привлечение провинциальных образовательных и культурно-просветительных учреждений к исследованиям, основанным на исторической памяти населения.

Результатом исследовательской деятельности стало формирование архива «Мемориала», который создается с 1989 г., когда жертвы репрессий, их родственники и друзья стали передавать документы, фотографии и рукописные воспоминания из своих семейных ар-

¹ О формировании финансовой базы из благотворительных или грантовых источников можно писать отдельно. Так, известный Фонд Прохорова в «Мемориале» поддерживает ежегодный конкурс школьных работ «Человек в истории. XX век». Благодаря фонду Прохорова действует Центр устной истории при МГУ и создан устный архив.

хивов. В архиве сформированы коллекции документов о государственном терроре и его жертвах, о сопротивлении режиму и трудной повседневной жизни советских людей. Среди них – Архив истории ГУЛАГа (1918–1956), Архив истории инакомыслия (1953–1987), коллекция документов о старбайтерах, с которыми тесно связана деятельность Центра устной истории «Мемориала» (более 300 многочасовых биографических интервью бывших старбайтеров) и т. д.

В отличие от лаборатории устной истории РГГУ, «Мемориалом» реализован огромный образовательный потенциал устной истории. Большую работу в этом направлении проводит Центр устной истории и биографии [37]. Он осуществляет собирательскую, исследовательскую и публикаторскую деятельность в области устной истории. Основной сферой интересов остается история политических репрессий в СССР и Третьем Рейхе, история повседневности, гендерная история. На базе Центра проводятся методические и образовательные семинары, сотрудники Центра участвуют в российских и международных конференциях и проектах. Материалы, собранные Центром, передаются в архив «Мемориала». Так, в рамках проектов «Женская память ГУЛАГа» и «Дети АЛЖИРа» записаны около 200 интервью, собраны тысячи документов, фотографий, мемуарных текстов, писем и дневников, иллюстрирующих судьбы жен «изменников родины», без суда отправленных в лагеря, и их детей, принудительно помещенных в детские дома. Собранный материал, и прежде всего устные свидетельства, дает возможность проследить, как история матерей, оказавшихся в ГУЛАГе, повлияла на биографии и судьбы детей, по-новому оценить травматический опыт советской семьи.

Проекты «Выжившие в Маутхаузене» и «Принудительный труд в национал-социалистической Германии» посвящены сбору данных о людях, угнанных на принудительные работы в Германию. В течение последних лет было записано около 300 аудио- и видеоинтервью с бывшими узниками концлагерей и старбайтерами, в которых отражены не только трагические перипетии в судьбах этих людей во время войны, но и длительный опыт дискриминации в послевоенную эпоху. Интервью старбайтеров опубликованы на сайте «Та сторона». Осуществлен проект «Последний свидетель»: проведена серия видеоинтервью с жертвами и свидетелями советской тоталитарной эпохи, результаты этой работы опубликованы на сайте проекта [37].

Таким образом, одним из тематических направлений работы «Мемориала» стала мемориализация памяти жертв политических

репрессий. От нее «Мемориал» перешел к более широкому охвату исторических процессов, сформулировав исследовательский принцип «Человек в истории. XX век». Основным изучаемым хронологическим пространством стали исторические события и процессы XX в. Благодаря этому конкурсу была проделана большая работа по внедрению устной истории в образовательную практику, ее популяризации и распространению по всей территории России. Основным инструментом стал конкурс для школьников «Человек в истории. Россия – XX век», который проводится с 2000 г. [38]. Соучредителями конкурса являлись Совет по краеведению РАО, кафедра региональной истории и краеведения и Центр устной истории РГГУ, а членами жюри – писатели, историки, архивисты и краеведы, «много занимавшиеся именно устной историей». Например, в жюри первых конкурсов входили С. О. Шмидт, академик Российской академии образования, председатель Союза краеведов России (Москва) – председатель конкурсного жюри, от лаборатории устной истории РГГУ – Д. Н. Хубова, от писателей – С. А. Алексиевич и др. Спонсорами выступали Фонд Форда (США), Фонд имени Генриха Бёлля (ФРГ), Фонд поддержки предпринимательства и защиты интересов среднего класса (Россия), страховая компания «РОЛЕС» (Россия). По словам председателя оргкомитета И. Л. Щербаковой, «цель мемориального конкурса должна прежде всего заключаться в том, чтобы наши старшеклассники обратили внимание на историю советской повседневности, которая исчезает с уходом ее участников и свидетелей... разобраться в феномене этой советской жизни школьники смогут, если начнут сами расспрашивать свидетелей, рыться в архивах, читать старые газеты, если в процессе написания конкурсной работы смогут заняться хоть в какой-то мере самостоятельной исследовательской деятельностью... возможность обратиться как к истории своей собственной семьи, так и к истории чьей-либо жизни, к истории памятника, здания, местного предприятия и т. п.» По ее мнению, «условием было только одно – в центре работы должны стоять человеческие судьбы» [38].

Одним из основных методов исследования школьников стали методы и источники устной истории, а основным источником информации служила историческая память очевидцев и участников этой жизни. Для сельских школьников и сельских учителей, с ограниченными возможностями сельских библиотек и муниципальных архивов при администрации сел, устная история действительно является большим подспорьем. А. Б. Рогинский, председатель Правле-

ния международного общества «Мемориал», подводя итоги первого конкурса, заметил: «Долг „Мемориала“ – хранить память о прошлом. Для этого мы и собираем свои архивы, для этого записываем (увы, сейчас куда меньше, чем 10 лет назад¹) воспоминания живых свидетелей трагических событий прошлого. Но ведь и наши конкурсанты делают то же самое!»

В этом смысле «Мемориал» не только приобщает школьников к устной истории, но и реализует предназначение устной истории – сохранение исторической памяти семьи и укрепление связей между поколениями. Как говорил А. Б. Рогинский, «и сколько же устных рассказов записали наши школьники! Сколько свидетельств о судьбах человеческих зафиксировали! „Мемориалам“ – хоть и всем вместе – с таким объемом работы не справиться. Это рассказы о крестьянском и городском быте за многие десятилетия, рассказы о революции и раскулачивании, о военных подвигах и о тяготах плена, о стройках – малых и великих – и о многом, многом другом. И в центре каждого повествования, каждого сюжета – человек, в самых разных его проявлениях. То есть ребята, работая над конкурсными сочинениями, выполняют самую что ни на есть мемориальскую задачу – сохраняют правду о прошлом. Не только о том трагическом прошлом, которым „Мемориал“ (в узком смысле) занимается². Но ведь прошлое и было не только трагедией. Главное, чтобы правду записывали. От самых рядовых людей. И чтобы документам письменным не давали погибнуть. Это они и делают. И мы за это можем быть им только благодарны». Запущенный «Мемориалом» механизм является важнейшей школой краеведения, устной истории, семейного историко-культурного наследия. В этом отношении можно говорить и о социальном значении устной истории. В 2017 г. состоялся очередной XVIII конкурс с изданием работ школьников и школьных учителей (лучшие публикуются на сайте [39]), посвященный столетию революции.

Важным шагом в обучающем направлении стало создание в 2008 г. обучающего сайта «Уроки истории» [40]. Сайт является ресурсом для размещения методических материалов по истории ХХ в.³, в

¹ С такой оценкой можно согласиться отчасти. Она больше касается деятельности столичных устных историков, в том числе сотрудников «Мемориала».

² Как известно, направления исследований организации «Мемориал» вращаются вокруг тем сопряженных с нарушением прав человека, репрессиями. При этом они касаются не только прошлого – проект «АЛЖИР» (узницы Акмолинского лагеря жен изменников родины), но и настоящего – проект о чеченской войне.

³ Хотя не все материалы равнозначны. Составитель Т. Ю. Нерода в справочнике для

том числе по методике устной истории, новостей конкурса «Человек в истории. Россия – XX век». На сайте размещены публичные лекции, книжные дайджесты, материалы публичных площадок и видеоматериалы конференций, статьи о культуре памяти и другие научные и учебно-методические материалы.

Возникновение oral history в другом столичном городе, Петербурге, было в значительной степени связано с освоением зарубежного опыта устной истории. В отличие от лаборатории устной истории РГГУ и «Мемориала», сформировавшихся в условиях перестройки и постсоветского ельцинского периода, происходило это в начале XX столетия в иных политических условиях – в послеельцинский период стабилизации общественно-политической жизни российского общества. Важным фактором создания центра устной истории в Санкт-Петербурге являлась тесная связь с американской oral history. Как известно, Центр устной истории был создан в Европейском университете Санкт-Петербурга в 2001 г. при поддержке института «Открытое общество» (фонд Сороса), ЕУСПб и Центра устной истории Университета Индианы (США). Просуществовал он до 2010 г. [41]. В разное время в Центре работали Екатерина Мельникова [42–44], Татьяна Воронина, Андреа Земсков-Цуге, Ирина Гусинцева, Виктория Календарова, Наталья Сурева, Сергей Яров. Одним из создателей и соруководителей проектов по устной истории являлась Елена Кэмпбелл, которая в 2001–2004 гг. реализовала совместно с В. В. Календаровой исследовательский проект «Блокада в судьбах и памяти ленинградцев» (поддержан ЕУСПб, внутриуниверситетский грант), который был посвящен исследованию взаимодействия и трансформации коллективной и индивидуальной памяти о блокаде на протяжении жизни нескольких поколений ленинградцев.

К работе Центра привлекались многие зарубежные специалисты – Дэвид Сабеан (Калифорнийский Университет в Лос-Анджелесе, США), Саймон Шеффер (Кембриджский Университет, Великобритания), Юрген Шлюмбом и Михаэль Хагнер (Институт истории Макса Планка в Геттингене, Германия) и др. Ориентировался центр своей деятельностью на вовлечение российских университетов в устную историю. До 2017 гг. реализовались программы магистратуры «Со-

начинающего исследователя (<http://urokiistorii.ru/node/53841>) не делает ссылки на авторские материалы; в частности, со страницы 13 без ссылки на учебные и методические материалы Т. К. Щегловой публикуются «Программа исчезнувшего села», методика проведения интервью, ряд анкет из работ: Щеглова Т. К Методика сбора устных источников (разные издания).

временные подходы к изучению политики памяти и культурной памяти», «Современные подходы к изучению российской истории» [45] и аспирантуры «Российская история: проблемы, методы, контексты» с опорой на выпускников бакалавриата из российских вузов. В этих программах были предусмотрены учебные курсы, сопряженные с устной историей, например курс Е. Мельниковой «Историческая память: источники и методы», в котором студенты знакомились с различными методами и подходами к использованию устных источников в историческом исследовании, с их перспективами и ограничениями, с проблемами памяти и истории в приложении к устным нарративам, с вопросами теории коллективной и индивидуальной памяти, травматического опыта, ностальгии, методов биографического исследования и фокусированного интервью. Курс имел практическую направленность, так как предусматривал проведение собственного полевого исследования, включая запись, расшифровку и анализ интервью, использование инструментов интерпретации отдельных записанных текстов, работу с устными материалами различных устноисторических проектов Центра [46].

Среди основных задач питерского Центра была организация и поддержка академических ресурсов в других университетах, способствующих использованию устных данных, и подготовка устных историков для российских университетов. Для реализации этой задачи при отсутствии государственного финансирования (Европейский университет является некоммерческим социально-ориентированным проектом) использовались гранты для проведения летних и зимних школ по обучению устной истории. Они проводились на базе самого университета. Одна из летних школ — «Микроистория и микромирцы знания» — прошла в 2001 г. на базе Европейского университета [47].

Наряду с подготовкой устных историков сотрудники центра активно занимались практической исследовательской деятельностью. На основе реализованных исследовательских проектов был создан архив устных материалов. Он включает коллекции материалов интервью по проектам «Блокада в судьбе и памяти ленинградцев» и «Блокада в коллективной и индивидуальной памяти жителей города» [48–50]; «Повседневность эпохи позднего социализма в памяти последнего советского поколения»; «Бамовцы о БАМе: история последней стройки социализма». Соответственно издавались и тематические сборники, такие как «Граница и люди. Воспоминания советских переселенцев Северного Приладожья и Карельского перешейка» и др.

Для развития устной истории в России большое значение имела методическая и методологическая работа сотрудников питерского центра с обсуждением принципов, методов и проблем устной истории, вопросов подготовки и техники проведения исторического интервью, проблем интерпретации и научно-технической обработки данных, проблем памяти, правовые и этические вопросы. В частности, была проделана большая коллективная работа по подготовке и изданию первой в России хрестоматии по устной истории [51]. Большую работу в этом плане провела переводчик, составитель и редактор размещенных в хрестоматии отрывков из работ ведущих зарубежных устных историков Мария Викторовна Лоскутова. Ею же была написана первая обобщающая статья о развитии устной истории в Старом и Новом Свете [52], издано методическое пособие [53], в котором были предложены рекомендации по занятию устной историей с опорой преимущественно на американский опыт устной истории.

Особенностью подходов к устной истории устных историков Петербурга являлось именно влияние американских традиций устной истории, во многом благодаря связям с устными центрами в Вашингтоне, Индиане, тесному сотрудничеству с американскими устными историками, в том числе на базе самих американских университетов. Так, одна из создателей питерского центра и соруководитель некоторых исследовательских проектов Елена Кэмбелл преподавала в Вашингтонском университете. В 2001–2002 гг. она совместно с В. В. Календаровой руководила образовательным проектом «Создание учебного центра подготовки специалистов в области устной истории», поддержанного институтом «Открытое общество» (фонд Сороса). Цель проекта заключалась в том, чтобы теоретический курс освоения устной истории как метода сопровождался полевой и исследовательской практикой. Большое внимание уделялось принципам источниковедческого анализа интервью, а также сопоставлению устных источников с другими типами источников; важное место в программе занимало обучение современным технологиям записи, обработки и архивирования аудио- и видеинформации с опорой на зарубежный опыт. Влияние американской устной истории на питербургских устных историков особенно отчетливо проявляется в заимствовании американского опыта архивирования устных свидетельств, который предусматривает жесткие обязательства в плане юридических аспектов проведения интервью, охрану персональных данных при формировании архива и особенно в публикациях, поскольку американский опыт предусматривает нумерацию устных

свидетельств в устных архивах для сохранения тайны персональных данных и практику ссылок на номера документов без информации о самом информанте в публикациях. В свою очередь, влияние питерской школы на региональные центры устной истории заметно в деятельности Петрозаводского центра устной истории (создан в 2005 г., прекратил свое существование в 2013 г.), который в 2006–2008 гг. совместно с кафедрой истории стран Северной Европы ПетрГУ публиковал научную серию «Устная история в Карелии» [54–57]. В них используется американо-питерский опыт оформления сносок и информации об информантах (материалы интервью публикуются с согласия авторов), а также высокопрофессиональное научно-методическое сопровождение и научные статьи.

Развитие устной истории в 1990-е гг. в провинции: направления и формы

Устная история всегда политически несколько «наэлектризована» и так же, как краеведческие, региональные или локально-исторические исследования, находится в некоторой конфронтации с официальной историей. Это связано с тем, что она, как и краеведение, выполняет роль «лупы», используя которую при рассмотрении отшлифованных оценок в официальной истории исследователи видят не только трещины и царапины, но и повреждения, совершенно несовместимые с принятыми официальными трактовками и оценками. При этом субдисциплины и направления, основанные на региональном (краеведном) принципе, – устная история, краеведение, локальная история – не ставят целей использовать получаемые открытия в политической и общественно-политической практике. Вскрываемые новые факты и оценки часто расходятся с официальными трактовками и приводят к конфронтации краеведов, историков повседневности, устных историков и др., но служат исследовательским целям и/или мемориализации, сочетая в изучении истории малой родины как внимание к выдающимся людям, так и ощущения и оценки рядовых участников массовых событий и процессов. Возникающие центры устной истории в регионах, в отличие от столичных, больше ориентировались на потребности в познании края-региона, не обходя, с одной стороны, трагических событий и нелицеприятной стороны исторических событий, с другой стороны – изучая и созидательную деятельность регионального сообщества.

В развитии региональной устной истории можно условно выделить два этапа.

На первом этапе деятельности региональных центров по устной истории преобладали исторические исследования в русле изучения белых пятен и лакун локальной истории. Многие региональные центры, пережив период сенсационных открытий, перешли к масштабным проектам по советской повседневности или устной истории масштабных событий, например устной истории Великой Отечественной войны (Воронежский центр устной истории; ростовско-ставропольский центр устной истории). Очень популярными стали сайты по устной истории науки (центр устной истории МГУ, центр устной истории ЧелГУ) и другим направлениям исследований исторической памяти. Ряд региональных центров занялись устной историей в области крестьяноведения и сельской истории.

На втором этапе, который в определенной степени свидетельствовал о ликвидации источникового голода по ранее запретным темам, были созданы коллекции по истории репрессий, в той или иной степени адекватно отражающие все аспекты и компоненты этих исторической сюжетов. Наступила определенная удовлетворенность и глубиной исторических интерпретаций табуированных тем с опорой на историческую память. На этом этапе устная история акцентировала свои усилия на антропологическом содержании истории.

Эти два этапа прослеживаются в деятельности одного из первых региональных центров устной истории и этнографии (ЦУИиЭ), созданного автором в 1990 г. на базе Алтайского государственного педагогического университета (БГПУ, АлтГПА, АлтГПУ) и действующего до сегодняшнего дня. Первым проектом стала программа по истории исчезнувших и малых сел Алтая в XX столетии. Выбор был обусловлен региональными особенностями исторических процессов аграрного края и мощными краеведческими традициями вуза, связанных с именем А. Д. Сергеева, проводившего историко-краеведческие экспедиции с 1975 по 1990 гг.¹ [58]. Одним из источников изучения советской деревни в этих студенческих краеведческих экспедициях были «рассказы бывалых людей». Автор неоднократно писала о сходстве и различиях краеведения и устной истории [59]. На развитие устной истории в провинции влияли не столько политico-идеологические факторы, сколько краеведческие традиции и феномен «краеведов» — огромных патриотов края и бескорыстных собирателей истории и культуры региона. К таким подвижникам относился А. Д. Сергеев, для которого краеведение было его образом жизни [60].

¹ В этих студенческих экспедициях был получен опыт полевой работы и автора.

Не случайно Центр устной истории появился как сектор лаборатории исторического краеведения, созданной М. А. Деминым в ноябре 1990 г. при кафедре отечественной истории исторического факультета АлтГПУ. Его формирование и развитие совпало с появление устной истории на историографическом поле и образованием Общества устной истории в России, в работе которого автор принимала участие – во 2 и 3 конференциях (г. Киров, г. Калининград) [61–63]. Поэтому одним из направлений работы стала адаптация краеведческих методов исследования к новым технологиям устной истории. Среди первых исторических проектов были также программы «Города и села Алтайского края: историко-культурное наследие», «Депортации и репрессии на Алтае» и многие другие.

Такой подход параллельно разрабатывали и другие историки Сибири, прежде всего Вячеслав Михайлович Суринов, с которым автор познакомилась в Омске после выступления на пленарном заседании с темой по устной истории как источника и метода изучения сибирской деревни [64]. В. М. Суринов, пожалуй, первым в отечественной историографии обратился с помощью устной истории к исторической памяти крестьянства и издал первое исследование в Тюмени [65]. Он же являлся ее популяризатором в 1960–1970-е гг. в научных изданиях архивистов. По-видимому, не случайно в 2015 г., спустя четверть века, при кафедре отечественной истории Тюменского госуниверситета был заложен Центр устной истории, который ориентируется на историческое интервью: «...Использования метода устной истории в научно-исследовательской практике... развитии и популяризации данной методики... и параллельно на кафедре формируется база интервью... выявить и грамотно зафиксировать новые исторические факты, мнения и суждения современников – участников тех или иных событий» [66].

В ЦУИЭ АлтГПУ были разработаны и опубликованы методические рекомендации по изучению деревни и крестьянства, заложен устный архив с материалами интервьюирования жителей исчезнувших сел, «банк исчезнувших сел» с чертежами, фото и видеосъемками мест, фиксациями построек, сканами семейных фото и документов. Устноисторическая работа в этом направлении была дополнена в 1993 г. методами этнографических исследований. В органичной совокупности методов и технологий устной истории и этнографии позже сформировался и антропологический подход в изучении сельского населения Алтая. Сочетание методов устной истории и этнографии является эффективным способом изучения информационно-

го пространства сельских поселений в ходе ежегодных историко-этнографических экспедиций, проводимых автором с 1990 г.

Создаваемые методами и устной истории, и этнографии в экспедициях устные источники соответственно обладают как историческим, так и антропологическим потенциалом. Масштабные и рядовые события XX–XXI столетий региональной истории базируются на исторической памяти участников и очевидцев, большинство из которых «родом из деревни». Аграрный характер Алтайского края диктовал и акцентуацию на сельской истории. Устная история в алтайском Центре устной истории и этнографии началась с изучения развития поселковой инфраструктуры, сельского социума и аграрного хозяйства в период социалистической модернизации 1920–1980-х гг. в ходе партийно-государственных кампаний. Примером является изучение такой исторической проблемы, как кампания по ликвидации неперспективных сел в 1960–1980-е гг. В литературе эта кампания рассматривается в контексте реализации аграрной политики государства, и все оценки даются с опорой на официальные документы с акцентуацией на декларировании, результатах, успехах, недостатках. Обратной стороной процессов являлась жизнь массового жителя Алтая и судьбы рядовых сельчан при начавшейся массовой ликвидации сел. К началу реализации этой кампании, очередной в ряду кампаний по переустройству крестьянского мира, более половина населения края являлось сельским, после ее реализации – менее половины. Весь процесс формирования социалистического сельского хозяйства с 1930 к 1980-м гг. привел к исчезновению значительного количества населенных пунктов: на Алтае в 1926 г. их было более 5800, к 1990 г. осталось чуть более 1600 [67].

В изучении влияния этой кампании на историю региона всплыли как исторические, так и антропологические проблемы. Среди них пути, способы и формы развития сельскохозяйственной производственной среды и изменение культурно-природного ландшафта; традиции и новации во взаимоотношениях сельского социума с властью в период принудительно-добровольных преобразований; социальная и культурно-бытовая адаптация крестьянской семьи к вынужденным внутренним и внешним миграциям, к новым социально-экономическим реалиям и другие исторические и антропологические аспекты процессов ликвидации неперспективных сел [68].

В результате были получены выводы как по истории, так и по антропологии сибирской деревни. Использование методов устной истории в изучении деревни и крестьянства в 1960–1980-е гг. про-

демонстрировало не только «парадную»¹ сторону ликвидации неперспективных сел в официальной истории (благоприятное влияние этой кампании на развитие, например, соцкультбыта села), но и оборотную сторону этого процесса, ухудшившую повседневные условия жизни в определенный период. Форсирование переустройства деревни, форсирование темпов социалистических преобразований в советское время превратило развитие деревни в XX в. из эволюции в «революцию», вынуждая крестьянство адаптироваться к перманентному процессу преобразований, которые зачастую сопровождались ухудшением жизнедеятельности семьи и экстремальными условиями. Инструментами форсирования как раз и являлись государственно-партийные кампании — коллективизация, укрупнение колхозов, борьба с неперспективными селами, перевод колхозов в совхозы и другие партийно-государственные инструменты перевода крестьян в рабочие (из сельскохозяйственных производителей — в сельскохозяйственные рабочие). В ответ крестьянство вынуждено было адаптироваться и социально, и материально, и духовно.

Вот эти антропологические аспекты исторических процессов — адаптационные практики в жизнедеятельности сельской семьи, заместительные технологии в культуре жизнеобеспечения сельского общества, жизненные стратегии в борьбе с трудностями, традиции и новации в повседневности крестьянской семьи — пока остаются на периферии исследовательского поля отечественных историков.

Сельской историей и крестьянством в период государственно-партийных кампаний занимался с 2005 г. коллектив историков Иркутска–Братска (совр. Центр независимых социальных исследований), создавших архив устной истории Байкальской Сибири [69]. Проект иркутских устных историков сформировался, как и у большинства региональных центров, из особенностей исторического развития прибайкальских территорий, обусловленных особыми природно-географическими условиями Восточной Сибири и традициями расселения русскоязычного населения вдоль рек из-за труднопроходимых таежных территорий и сурового климата. При огромных безлюдных таежных и лесотундровых территориях вдоль рек в восточносибирских регионах — Иркутской области и Красноярском крае — к 1930-м гг. образовалась густая поселенческая сеть с самобытным старожильческим населением и уникальными культурно-бытовыми тра-

¹ Идеологема — один из лозунгов социалистической идеологии «парадным маршем к коммунизму».

дициями. Сформировавшийся баланс природы и человека был подвергнут преобразованиям в период строительства ГЭС на реках Лене, Ангаре, Енисее. Под затопление попали сотни деревень с развитой сельскохозяйственной инфраструктурой, уникальным историко-культурным ландшафтом и историко-культурным социумом, являющийся хранителем и транслятором сибирского варианта русской культуры. История переселений этих деревень вывела исследователей на вопросы адаптации населения к новым экономическим, социальным, культурным и политическим условиям.

Общей чертой развития провинциальных центров устной истории является связь с краеведением/новой локальной историей/микроисторией, которыми востребованы методы и источники устной истории при изучении административно и территориально ограниченных единиц. Они существуют при университетах, являющихся на периферии средоточием развития науки и инициативной деятельности регионов. В отличие от столичных центров, они не погружаются в общественно-политическую жизнь региона, их деятельность носит скорее чисто научный характер и гражданское звучание по сохранению историко-культурного наследия, основанного на исторической памяти регионального сообщества.

Особенности развития устной истории в России в 2000–2010 гг. Устная история на территории Российской Федерации в 2000–2010-е гг. развивается изолированно от Международной ассоциации устной истории и в условиях отсутствия общенациональной общероссийской ассоциации. Она существует в кратковременных и/или долгосрочных центрах устной истории, автономных исследовательских группах и в рамках отдельных авторских проектов. После первой попытки создать Общество устной истории в СССР, ее первой конференции 1989 г. и первых двух конференций Общества устной истории в России в 1991 и 1992 гг. устные историки остались без инициаторов: Д. Н. Хубова ушла в телевизионные проекты, В. А. Бердинских – в собственные исследования, Д. П. Урсу остался в Украине.

В 2006 г. автором была предпринята попытка объединить разрозненные центры устной истории в общероссийскую ассоциацию устной истории. РГНФ поддержал заявку на проведение конференции [70]. Она собрала представителей ряда центров, занимающихся устной историей в России: из Москвы (Мемориал, И. С. Островская, А. Г. Козлова), Петрозаводска (Центр устной истории ПетрГУ, А. Голубев), Петербурга (Центра устной истории Европейского университета, Т. Ю. Воронина), Кирова (В. А. Бердинских), Новосибирска

(В. А. Зверев, И. В. Октябрьская), Братска и Иркутска (Л. М. Салахова, Т. И. Ромадина, Л. В. Занданова) и др. [31].

На сегодняшний день количество постоянно действующих центров не увеличивается. Одни свернули массовую работу, третьи ликвидированы, четвертые только возникли. Процессы появления и ликвидации центров связаны как с объективными, так и с субъективными факторами. Центры в России, особенно в провинции, создаются при университетах энтузиастами. Традиция «бескорыстной работы» идет из российской краеведческой практики. Университеты, являясь государственными образовательными учреждениями с федеральным финансированием, имеют ограниченные статьи расхода на науку и соответственно возможности финансирования научно-исследовательских работ.

Опыт американских историков «зарабатывания» денег устной историей малопригоден для отечественной практики. Как известно, в США массово финансируется работа по созданию устных архивов и написанию корпоративной истории целых отраслей промышленности, науки, культуры и т. д. В России эта практика не получила распространения – и в силу отсутствия стабильного среднего предпринимательства, способного вкладываться ради корпоративной культуры в написание своей истории и создание устных архивов, и в силу отсутствия традиций благотворительности в пользу университетской науки в немногочисленном большом бизнесе. За исключением Фонда Прохорова, благодаря которому создан и действует Центр устной истории в МГУ, проводятся школьные конкурсы «Мемориала». В силу этих причин появившиеся методические рекомендации и пособия о том, как заработать устной историей деньги, не помогут российским исследователям [71]. В одном из них обобщен опыт по организации и проведению системы мероприятий по устной истории москвичей, создателей экономической истории страны, автономной некоммерческой организацией «Экономическая летопись» (г. Москва). Под экономической историей они понимают историю восстановления и развития народного хозяйства военными и послевоенными поколениями граждан СССР. Из четырех преимуществ устной истории они назвали финансовую: «Да-да, эту деятельность можно сделать своей профессией и честно зарабатывать».

Группа устных историков, обратившихся к исторической памяти участников экономической жизни 1940–1960-х гг., называлась «Бессмертный полк» москвичей – создателей экономической истории страны» по аналогии с мемориально-гражданским движением «Бес-

смертный полк», связанным с памятью об участниках Великой Отечественной войны. Таким образом, в «Бессмертный полк» в Москве они включают не только тех, кто воевал в годы Великой Отечественной войны, а всех, кто строил советскую страну: «Уходят последние ветераны Великой Отечественной войны... Вместе с их носителями исчезают воспоминания. Не случайно появился прекрасный проект „Бессмертный полк“. Наши современники, таким образом, держатся за память о том замечательном поколении. Увы, буквально через несколько лет советские ветераны, те, кто в 1940-е, 1950-е, да и 1960-е гг. восстанавливал народное хозяйство нашей страны, будут столь же редки, как сейчас ветераны Великой Отечественной войны. Так же трудно будет поговорить с участниками создания советского атомного проекта, космической программы Советского Союза. Теми, кто сделал нашу страну второй в мире по уровню экономического развития...» [71].

Анализ тематики исследований российских центров устной истории позволяет сгруппировать их и по темам, и по формам.

По формам это виртуальные центры, созданные коллективно и существующие виртуально в сети Интернет благодаря сайтам. Примером последнего является сайт, созданный в 2008 г. при содействии руководителя студенческого научного общества по устной истории Ирины Викторовны Ребровой (Кубанский государственный технологический университет (КубГТУ) и руководителя проблемной группы по устной истории центра «Новая локальная история» Елены Николаевны Стрекаловой (Ставропольский государственный университет) [72]. Развитие устной истории в виде проектных групп при университетских исследовательских центрах является реальным способом проведения устноисторических исследований. Примером этого является проектная проблемная группа Центра новой локальной истории Ставропольского государственного университета.

Вторую группы по форме составляют постоянно действующие центры устной истории. Как правило, они создаются при кафедрах преподавателями (Барнаул, Петрозаводск, Иркутск, Челябинск). В отдельных случаях образуются самостоятельные лаборатории как структурные подразделения университетов (Петербург, Москва) на исторических факультетах. Выбор формы центров и коллективов зависит от возможностей финансирования и доброй воли университетских администраций.

По тематике самую многочисленную группу составляют коллективы, занимающиеся устной историей Великой Отечественной

войны. Центры устной истории, базирующиеся на памяти о войне, не являются однотипными. Связано это с тем, что устная история всегда работает на местном материале. Регионализация или локализация той или иной исторической проблемы показывает, насколько вариативны исторические процессы и события на разных территориях страны. Например, в центре устной истории ПетрГУ (Петрозаводск) [73] устная история Великой Отечественной войны изучалась в проекте «Финская оккупация Карелии (1941–1944)» через сложную тему, связанную с двумя группами – носителями самостоятельных пластов исторической памяти. С одной стороны, это свидетельства советских русскоязычных военнопленных и заключенных финских трудовых лагерей и концлагерей. У них свои оценки финской оккупации. С другой стороны, это комплекс воспоминаний населения, «родственного» финским захватчикам, – финно-угорского населения (карелы, вепсы, лопари), попавшего в силу этнического родства в более привилегированное положение. Некоторых из них финны использовали в качестве «стражи» в тех лагерях, где были советские военнопленные и русскоязычные заключенные. У них свои оценки финской оккупации. Эти факторы отличают устную историю Великой Отечественной войны в центре европейской части России и на Кольском полуострове: на территориях Европейской России захватчиками «славян» (русских, украинцев, белорусов) были «германцы» (немцы), а в Карелии для коренных финно-угров (карелов) захватчиками были родственные финно-угры (финны), которые использовали родственных им карелов против славян. Это обстоятельство до сих пор определяет особенности исторической памяти населения Карелии. Оно проявилось во время работы секции «Устная история как источник и метод этнографических исследований» очередного конгресса антропологов и этнографов России в 2011 г., который проходил в Петрозаводске (автор проводит тематическую секцию в рамках Конгресса антропологов и историков России с 2001 г.). На ней выявились конфронтации между молодыми устными историками, которые записывали информацию так, как рассказывали представители той и другой стороны, и членами Совета ветеранов Великой Отечественной войны, для которых это обстоятельство является болезненным.

С 2005 г. устной историей войны занимается Е. Н. Стрекалова (кафедра истории России Северо-Кавказского Федерального университета). Результатом работы стало создание устного архива [74] и издание устных исторических источников [72]. Самостоятельный

угол зрения на устную историю войны через интерпретацию «детей войны» сформировался у устного историка в совместном проекте краснодарских, ставропольских и ростовских историков (совместно с А. Ю. Рожковым, Е. Ф. Кринко, И. В. Ребровой, И. В. Юрчук). Группа историков в 2008–2009 гг. занималась исследованием памяти о военном детстве на основе интервьюирования детей фронтового поколения [75].

В последнее время в устной истории войны возобладали темы, связанные с детьми и женщинами в годы войны. Как правило, этим занимаются не проектные коллективы или лаборатории, а индивидуальные исследователи. При этом стоит отметить, что на женскую и детскую устную историю исследователи выходят не только через устную историю как самостоятельное направление исследований, но и через использование методов устной истории в гендерной истории, истории повседневности, истории городов и сел. Примером использования устной истории через гендер является деятельность д-ра ист. наук Е. Ю. Волковой (Кострома) [76–77], через историю Сталинграда – деятельность сотрудника музея Л. И. Бондаренко [78] и многих других исследователей женской истории и истории детства в экстремальных условиях войны. Обращение исследователей к устной истории женщин и детей в годы войны обусловлено рядом факторов. Один из главных – наличие живых носителей памяти, среди которых преобладают дети войны. Немаловажным является и осознание гражданским обществом, государством и научной общественностью недостаточности внимания к населению, не воюющему на фронтах, но кующему победу и в тылу, и на оккупированных территориях.

Появились центры, отличающиеся новационными подходами в изучении устной истории войны. Немаловажным является и рабочий курс вхождения в устную историю мирного населения в годы войны. В этом отношении выделяются два центра, внесших новые подходы в изучение устной истории войны. Первый из них – региональный центр устной истории в г. Воронеж, который создан на базе ВГПУ в 2000 г., когда в Воронежском государственном педагогическом университете (ВГПУ) начал работу факультативный семинар «Образ Германии и немцев в восприятии участников Великой Отечественной войны СССР». Руководили работой студентов Н. П. Тимофеева и Э. Шерстяной (ФРГ) [79]. В последующие годы состоялось несколько проектов, сплотивших представителей разных вузов, студентов и преподавателей Воронежского государственного университета (ВГУ), Воронежского межрегионального института обществен-

ных наук (ВМИОН), Воронежской государственной телевизионной и радиовещательной компании (ВГТРК), Воронежской организации «Мемориал», Центрального филиала Российской академии правосудия (ЦФ РАП) и других учреждений вокруг проблем изучения Великой Отечественной войны на территории Воронежской области, оккупированной в годы войны. Оккупация наложила отпечаток на выбор тем, так как носителями памяти по истории войны на территории Воронежской области являлись местное оккупированное или отправленное в Германию население, «завоеватели», другие категории, втянутые в эти события. Базовыми исследовательскими компонентами стал «образ» участников событий.

Территориальная сфокусированность и «образы» участников драматических событий потребовали межнациональных проектов, установления творческих связей устных историков России, Польши, Германии, что вылилось в проектную деятельность: «Биографическая документация рабского и принудительного труда в нацистской Германии» (2005), «Индивидуальная и коллективная память о войне и оккупации в Воронеже и Воронежской области» (2009); «Образ Германии и немцев в восприятии участников Великой Отечественной войны» (2000); «Немецкие военнопленные в Воронеже и Воронежской области» (2002); «Женщины Равенсбрюка»; «Люди в Освенциме» (2006); «Женщины Равенсбрюка» (2004).

Новизна подхода к устной истории войны Центра устной истории и этнографии АлтГПУ состоит в соединении устной истории и этнографии крестьянства тыловых территорий Сибири. Ядром нового антропологического подхода является изучение культуры жизнеобеспечения русского сельского населения юга Западной Сибири в годы войны, традиций и новаций [80].

Подведем итоги. Как самостоятельное направление научной деятельности устная история в России начиналась с обращения к ранее замалчиваемым темам репрессий и к разным группам репрессированных: по социальному, политическому, конфессиональному, этническому признакам. Возникновение российского варианта Oral history было вызвано гласностью, наступившей в годы перестройки, снявшей с многих трагических событий XX столетия запреты на изучение и обсуждение. И произошло это тогда, когда еще были живы участники исторических драм XX столетия – репрессий и войн, что являлось благоприятным фактором для возникновения российской устной истории и создания центров устной истории. Побудительными мотивами были и высокое гражданское звучание этих вопросов,

и запрос общества на реабилитацию пострадавших в годы репрессий. А для историографического сообщества важную роль сыграло наличие «белых пятен» и «лакун» — запретных тем в отечественной истории — и отсутствие адекватной источниковой базы. В этом отношении устная история в России стала подспорьем не только для научной деятельности, но и для общественного и правозащитного движения, которое обратилось к исторической памяти советских людей, в отличие от академических структур, которым понадобилось не одно десятилетие, чтобы преодолеть недоверие к устной истории, ее методам и источникам. До сих пор нельзя говорить о полном признании устной истории «кабинетными»¹ академическими историками, в отличие от представителей общественных движений, в том числе краеведческого.

Другой особенностью устной истории в России стало то, что она по ряду причин тесно смыкается с локальной историей и региональным подходом. Отечественная устная история, как и краеведение, в прошлые годы стало своеобразной исторической «лупой», под которой корректировались общероссийские процессы и официальные оценки прошлого. Под влиянием региональных вариантов исторического развития и жизненных историй рядовых участников разрушились глянцевые и отшлифованные парадные реконструкции прошлого. В этом смысле на развитие и устной истории, и краеведения оказывали и оказывают большое влияние государство, государственная идеология, партийно-политические механизмы, степень сформированности общественных институтов и их влияние на государственные и властные структуры.

На современном этапе возрастает осознание этнографического и антропологического потенциала методов и источников устной истории. В центре современных дискуссий находятся пути и формы развития традиционных культур этнических сообществ в контексте исторических событий и исторических процессов XX столетия. В отечественной этнографии труднопреодолимыми рубежами стали 1917 год как год начала разрушения традиционных основ рос-

¹ К «кабинетным» историкам автор относит историков, «зацикленных» на письменных опубликованных или неопубликованных (архивных) источниках. Традиция идет из позитивистской историографии XIX в. с ее культом «письменного слова» и «письменного документа», которые служили гарантом «объективности» и «достоверности» информации и недоверием к любого рода другим источникам, в том числе основанным на устной информации и исторической памяти, как «субъективным» и «недостоверным». Это выливается в противопоставление письменной информации устной как оппозицию знания и мифа.

сийского общества и 1930-е гг. как период раскрепощивания. И в том, и в другом случае этнографы исходят из того, что именно крестьянство являлось главным хранителем и транслятором этнической культуры. Именно поэтому большинство исследований по традиционной культуре народов России ограничивалось началом XX в.; состояние и развитие традиционных культур в советское время практически не изучалось. Слабо анализируются процессы в этнических культурах в настоящее время. Одной из причин этого является несовершенство методов работы с информационной средой населенных пунктов, которая наряду со следами традиционной материальной культуры представлена исторической памятью народов. Поэтому приобретает большое значение изучение исторической памяти в его временных, этнокультурных и пространственных конфигурациях. Этнокультурная информация в исторической памяти хранится в двух формах: при удаленном прошлом – в виде мифологизированных преданий, при недавних событиях – в виде воспоминаний его участников. В первой случае устная информация этнографами «собирается». Во втором она добывается с помощью устноисторического метода – интервью с последующим ее документированием и архивированием – «создается» исторический документ. Как бы исследователи ни называли полученный путем опроса источник: нарратив, меморат, эго-документ, устный исторический источник и т. д., – он содержит этнокультурную информацию.

В условиях, когда источниковедческая база этнографии все больше смещается в нематериальную область, востребованы исследовательские технологии устной истории (oral history). Методологическое значение приобретают ее развитие в России и за рубежом, опыт работы в изучении антропологических аспектов исторических процессов. Устная история как источник и метод этнографических исследований может использоваться в изучении традиционной культуры в контексте исторических процессов XIX–XXI столетий. Большое значение приобретает ее применение для изучения повседневной жизни народов как в периоды стабилизации, так и в периоды кардинальных перемен (периоды переустройства деревни, ее быта, культуры), в том числе под воздействием техногенных, социально-экономических и политических факторов. Самостоятельной темой является выявление роли культуры жизнеобеспечения земледельческого и скотоводческого населения в экстремальных условиях (репрессии, раскулачивания, депортации, войны) и анализ адаптационных практик народов в материальной (жилище, питание, оде-

жда, обувь, санитария и гигиена и др.) и в духовной (семейная и витальная обрядность, конфессиональные практики, трудовые традиции и т. д.) сферах.

Источники и литература

1. Национальные истории в советском и постсоветских государствах / Карл Аймермакхер, Юрий Анчабадзе, Бабкен Арутюнян и др.; под ред. К. Аймермакхера, Г. Бордюгова; предисл. Ф. Бомсдорфа, Фонд Фридриха Науманна и др. М.: АИРО-XX, 1999. 445 с.
2. Национальные истории на постсоветском пространстве-II. Десять лет спустя / под ред. Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XXI, 2010. 372 с.
3. Депортация армян 14 июня 1949 года: сб. док. и материалов / сост. Н. Н. Аблажей; отв. ред. Н. Н. Аблажей, Г. Харатян. Новосибирск: Наука, 2016. 230 с.
4. Щеглова Т. К. Становление устной истории за рубежом: к вопросу о новых возможностях региональных исследований, локальной истории и краеведческой работы // Краеведческие чтения, посвященные 80-летию С. Е. Черных: материалы междунар. науч.-практ. конф. / гл. ред. А. А. Аубакиров. Усть-Каменогорск: ТОО «ВКПК Арго», 2014. С. 212–221.
5. Суринов В. М. Историческое интервью в системе источниковедческих средств // Методологические вопросы документоведения и архивоведения: сб. докл. методол. семинара ВНИИДАД. Вып. 1. М., 1976. С. 86–113.
6. Автократов В. Н., Елпатьевский А. В. Проблемы комплектования государственных архивов современными документами // Источниковедение отечественной истории. М., 1976.
7. Кузнецов Н. П., Суринов В. М. Устная история в практике работы зарубежных архивов и научных учреждений // Советские архивы. 1980. № 1.
8. Мусатова Т. Н., Кузьмичев Н. А., Серегин А. В. «Устная история» как метод активного комплектования // Проблемы хранения и обеспечения сохранности архивных документов: сб. науч. тр. М., 1985. С. 14–20.
9. От последних диссидентов к первым неформалам. Ч. 2. Беседа с Ярославом Леонтьевым (член Совета НИПЦ «Мемориал», доцент МГУ). Беседовал Алексей Пятковский. Май–июнь 2005 // IGRUNOV. RU. URL: http://www.igrunov.ru/vin/vchk-vin-n_histor/remen/1122559056.html (дата обращения: 10.10.2017).
10. Моисеев Олег. Конюшская центральная районная библиотека им. Иосифа Бродского. URL: <http://www.konlib.ru/%D0%BC%D0%BE%D1%81%D0%B5%D0%B5%D0%B2-%D0%BE%D0%BB%D0%B5%D0%B3/> (дата обращения: 11.10.2017).
11. Орлов И. Б. Устная история // Теория и методология истории: учебник для вузов / под ред. В. В. Алексеева, Н. Н. Крадина, А. В. Коротаева, Л. Е. Гринина. Волгоград: Учитель, 2014. С. 335–355.
12. Щеглова Т. К., Дрожецкий Д. А. Устная история (Oral history) в российской исторической практике 1920–1930-х годов: к дискуссии о понятии и времени возникновения устной истории // Известия АлГТУ. 2014. № 4/2 (84). С. 267–280.
13. Бердинских В. А. Рядовые фронта и тыла // Волга. 1989. № 5–6.

14. Бердинских В. А. Очерки крестьянской цивилизации в России // Волга. 1991. № 1–3.
15. Бердинских В. А. Россия и русские (Крестьянская цивилизация в воспоминаниях очевидцев). Киров, 1998.
16. Илизаров Б. С. Народный архив. Живые голоса эпохи. М.: Изд. дом «Вече», 2014. 382 с.
17. Козлов В. П. Историко-архивный институт: хроника развала и точка бифуркации // Вестник архивиста. 2003. № 1 (73). С. 90–91.
18. Хубова Д. Н. Устная история и архивы: зарубежные концепции и опыт.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992. 34 с.
19. Хубова Д. Н. Опыт реконструкции раскулачивания и голода на Кубани в 1932–1933 годах. Герменевтические аспекты в устной истории // BIOS. Zeitschrift fur biographieforschung und oral history. 1990. 1. С. 33–47.
20. Голод 1932–1933 годов // «Библиотекарь.Ру» – электронная библиотека. URL: <http://www.bibliotekar.ru/golodomor/index.htm> (дата обращения: 11.10.2017).
21. Хубова Д. Н. Черные доски: *tabula rasa*: Голод 1932–1933 годов в устных свидетельствах // Голод 1932–1933 годов: сб. ст. / отв. ред. Ю. Н. Афанасьев. М.: РГГУ, 1995. С. 67–87.
22. Хубова Д. Н. Устная история «*Verba volant...?*»: метод. пособие. М., 1997. 52 с.
23. Ревизникова О. Кто куда? // Коммерсантъ. 1993. № 96 (319). URL: <https://www.kommersant.ru/doc/48748> (дата обращения: 11.10.2017).
24. Ларин О. [Рецензия] // Новый мир. 1994. № 8. С. 250–251. Рец. на кн.: Бердинских В. Россия и русские (Крестьянская цивилизация в воспоминаниях очевидцев). Киров: ГИПП «Вятка». 1994. 287 с.
25. Урсу Д. П. Архив ЮНЕСКО в Париже // Сов. архивы. 1980. № 6.
26. Урсу Д. П. Методологические проблемы устной истории // Источниковедение отечественной истории. М., 1989.
27. Урсу Д. Н. Программа и методические указания по спецкурсу «Устная история. Теория и практика» для студентов ист. фак. Симферополь: СГУ, 1991.
28. Поляков В. In memoriam... Дмитрий Павлович Урсу // Голос Крыма new. Официальный сайт. URL: <http://goloskrimanew.ru/dmitriy-pavlovich-ursu.html> (дата обращения: 11.10.2017).
29. Проблемы устной истории в СССР: материалы второй науч. конф. в г. Кирове. 14–15 мая 1991 г. Киров, 1991.
30. Проблемы устной истории и современность. Калининград, 1992.
31. Щеглова Т. К. VII Международная научная конференция «Этнография Алтая и сопредельных территорий» // Гуманитарные науки в Сибири. (Отечественная история). Новосибирск, 2009. № 3. С. 133–134.
32. International Economic History Association. URL: <http://www.ieha-wehc.org/> (дата обращения: 11.10.2017).
33. Центр экономической истории. URL: <http://new.hist.asu.ru/econhist/index.html> (дата обращения: 11.10.2017).

34. Центр экономической истории России // Челябинский государственный университет. URL: <http://www.csu.ru/Lists/List3/страницы кафедр.aspx?ID=65> (дата обращения: 11.10.2017).
35. НИИ проблем экономической истории России XX в. URL: <http://www.hist.msu.ru/Labs/Ecohist/OB4/volgogr.htm> (дата обращения: 11.10.2017).
36. International Oral History Association – iohanet. URL: <http://www.iohanet.org/contact/index.html> (дата обращения: 11.10.2017).
37. Центр устной истории и биографии // Мемориал. URL: <https://www.memo.ru/ru-ru/collections/archives/oral-history/> (дата обращения: 11.10.2017).
38. Мемориал. Информационный бюллетень. № 17. URL: <http://old.memo.ru/about/bull/b17/INDEX.HTM> (дата обращения: 11.10.2017).
39. Школьный конкурс // «Уроки истории. XX век» – научно-популярный проект. URL: www.ukrokiistorii.ru/konkurs (дата обращения: 11.10.2017).
40. «Уроки истории. XX век» – научно-популярный проект. URL: www.ukrokiistorii.ru (дата обращения: 11.10.2017).
41. Устная история. Европейский университет в Санкт-Петербурге. URL: <https://eu.spb.ru/socio/643-department-of-history/4408-oral-history> (дата обращения: 11.10.2017).
42. Мельникова Е. А. «Однажды в студеную зимнюю пору...» Идеальное детство в устной биографии // Неприкосновенный запас. 2010. № 5 (73). С. 49–68.
43. Мельникова Е. А. Книга и чтение в устных свидетельствах крестьян Северо-Запада России // Сны Богородицы. Исследования по народной религиозности: современное состояние и перспективы развития / под ред. А. А. Панченко, С. А. Штыркова, Ж. В. Корминой. Санкт-Петербург: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2006. С. 277–289.
44. The Local Memory of the World War II in Provincial Museums: the Northern Ladoga Case Study, in Krieg im Museum: Präsentationen des Zweiten Weltkriegs in Museen und Gedenkstätten des östlichen Europa, ed. Ekaterina Makhotina, Ekaterina Keding, Włodzimierz Borodziej, Etienne Francois, Martin Schulze Wessel. München: Vandenhoeck & Ruprecht, 2015. P. 111–130.
45. Магистерские программы. Европейский университет в Санкт-Петербурге. URL: <https://eu.spb.ru/history/ma-programmes> (дата обращения: 11.10.2017).
46. Мельникова Екатерина Александровна. Европейский университет в Санкт-Петербурге. URL: <https://eu.spb.ru/history/faculty/17746-melnikova-ekaterina-aleksandrovna> (дата обращения: 11.10.2017).
47. Летняя школа «Микроистория и микромир знания». Европейский университет в Санкт-Петербурге. URL: <https://eu.spb.ru/news/9791-mikroistoria-znania> (дата обращения: 11.10.2017).
48. Память о блокаде: свидетельства очевидцев и историческое сознание общества / [отв. ред. М. Лоскутова]. М.: Новое изд-во, 2006. 387 с.;
49. Блокада глазами очевидцев. Интервью с жителями Ленинграда 1940-х гг. Составление, вступительная статья и комментарии Т. Ю. Ворониной, И. Е. Гусинцевой, В. В. Календаровой // Нестор. 2001. № 6 (2).

50. Голоса блокадного поколения: СД, ориентированный на преподавателей средних школ и младших курсов университетов. (Поддержан консультством Федеративной Республики Германия, СПб., 2005).
51. Хрестоматия по устной истории / пер. М. В. Лоскутова; сост. М. В. Лоскутова; под общ. ред.: М. В. Лоскутова. СПб.: Европ. ун-т в Санкт-Петербурге, 2003.
52. Лоскутова М. В. Введение // Хрестоматия по устной истории / пер. М. В. Лоскутова; сост. М. В. Лоскутова; под общ. ред. М. В. Лоскутовой. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2003. С. 5–31.
53. Лоскутова М. В. Устная история. Метод. рекомендации по проведению исследования. СПб.: Европейский Дом, 2002. 56 с.
54. Устная история в Карелии: сб. науч. ст. и источников. Вып. I / науч. ред. А. В. Голубев, А. Ю. Осипов. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2006. 132 с.
55. Устная история в Карелии: сб. науч. ст. и источников. Вып. II. Североамериканские финны в Советской Карелии 1930-х годов / сост. и науч. ред. И. Р. Такала, А. В. Голубев. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2007. 192 с.;
56. Устная история в Карелии: сб. науч. ст. и источников. Вып. III. Финская оккупация Карелии (1941–1944) / науч. ред. А. В. Голубев, А. Ю. Осипов. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2007. 212 с.
57. Устная история в Карелии: сб. науч. ст. и источников. Вып. IV. Карелия и Беларусь: повседневная жизнь и культурные практики населения в 1930–50-е гг. / сост. и науч. ред. И. Р. Такала, А. В. Голубев, И. Н. Романова, И. С. Маховская. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2008. 400 с.
58. Сергеев А. Д. О краеведении Алтайского края: теория, история, практика / Алтайский краевой центр детско-юношеского туризма и краеведения, Барнаульский гос. пед. ун-т, лаб. ист. краеведения; [науч. ред. Т. К. Щеглова]. Барнаул: БГПУ, 2008. 195 с.
59. Щеглова Т. К. Краеведение, музееведение и устная история – источники, методы и формы взаимодействия в отечественной практике в контексте государственной политики в XX – начале XXI века // Культура и взаимодействие народов в музеиных, научных и образовательных процессах – важнейшие факторы стабильного развития России: сб. науч. тр. / отв. ред.: Е. Ю. Смирнова, Н. А. Томилов. Омск: Изд. дом «Наука», 2016. С. 308–313.
60. Щеглова Т. К. От редактора // Сергеев А. Д. О краеведении Алтайского края: теория, история, практика / Алт. краевой центр детско-юношеского туризма и краеведения, Барнаульский гос. пед. ун-т, лаб. ист. краеведения; [науч. ред. Т. К. Щеглова]. Барнаул: БГПУ, 2008. С. 4–5.
61. Щеглова Т. К. Значение устных источников для изучения истории исчезнувших сел // Проблемы устной истории в СССР. Киров, 1991. С. 38–44.
62. Щеглова Т. К. Устная история как объект краеведческой деятельности // Проблемы устной истории и современность. Калининград, 1992. С. 17–21.
63. Щеглова Т. К. Устная история как объект краеведческой деятельности в школе и вузе // Историческое краеведение в школе и вузе: материалы первой Всерос. науч. конф. (14–15 декабря 1994 г.) / Союз краеведов Российской Федерации

- ции, Кемеровский гос. ун-т, Кемеровский обл. ин-т усовершенствования учителей; [редкол.: Д. В. Кацюба и др.]. Кемерово, 1994. С. 65–68.
64. Щеглова Т. К. Устная история как источник и метод исследований сибирской деревни XX столетия // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: сб. науч. тр. Омск, 2004. Ч. 1. С. 23–28.
65. Суринов В. М. Историческая память народа. Сельское хозяйство Зауралья в образах и мыслях сибирского крестьянина: историческая литература. Тюмень: [б. и.], 1990. 36 с.
66. Центр устной истории и этнографии. Тюменский государственный университет. URL: <https://www.utmn.ru/ihss/about/struktura-instituta/kafedry/kafedra-otechestvennoy-istorii/center-ustnoy-istorii/> (дата обращения: 11.10.2017).
67. Щеглова Т. К. К вопросу о развитии сельских населенных пунктов Алтайского края в советское время (20-е – 80-е годы) // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье: [тез. докл. междунар. конф., апрель 1994 г., г. Барнаул] / Алт. гос. ун-т, Науч.-исслед. ин-т гуманитар. исслед.; [отв. ред. Ю. Ф. Кирюшин; сост.: Ю. Ф. Кирюшин, А. Б. Шамшин]. Барнаул, 1994. С. 190–193.
68. Щеглова Т. К. Реорганизация деревни в 1950–1970-е годы: представления и суждения на «нижних этажах» сельского общества // Щеглова Т. К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. Устная история. Барнаул: БГПУ, 2008. С. 436–487.
69. Занданова Л. В., Салахова Л. М. Архив устной истории Байкальской Сибири: из опыта работы// Этнография Алтая и сопредельных территорий: материалы 9-й междунар. науч. конф., Барнаул, 28–30 октября 2015 г. Вып. 9 / Алтайский гос. пед. ун-т, Национальный исслед. Томск. гос. ун-т, Ин-т археологии и этнографии Сибирского отд-ния Рос. акад. наук; под ред. Т. К. Щегловой. Барнаул, 2015. С. 338–341.
70. Устная история (Oral History): теория и практика: материалы всерос. науч. семинара (Барнаул, 25–26 сент. 2006 г.) / Барнаул. гос. пед. ун-т, лаб. ист. краеведения [и др.; сост. и науч. ред. Т. К. Щеглова]. Барнаул: БГПУ, 2007. 372 с.
71. Кротов Н. И., Липаев А. П. Устная история, или доктор Память. М: АНО «Экономическая летопись», 2016. 105 с.
72. Память о Великой Отечественной войне в социокультурном пространстве современной России: материалы и исследования / Федеральное агентство по образованию, Ставропольский гос. ун-т, науч.-образоват. центр «Новая локальная история»; [сост.: Е. Н. Стрекалова (отв. сост.) и др.]. СПб: Европейский дом, 2008. 291 с.
73. Устная история в Карелии. URL: <http://oralhist.karelia.ru/index.html> (дата обращения: 11.10.2017).
74. Стрекалова Е. Н. Архив устной истории Великой Отечественной войны (на материалах Северного Кавказа) // Юг России в Великой Отечественной войне: тропы памяти: сб. науч. ст. Краснодар, 2011.

75. Вторая мировая война в детских «рамках памяти»: сб. науч. ст. Краснодар.: Экоинвест, 2010.
76. Волкова Е. Ю. Маленькие участники большой войны (дети в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.): монография / М-во образования и науки Рос. Федерации, Костромской гос. технол. ун-т. Кострома: Изд-во КГТУ, 2010. 155 с.
77. Волкова Е. Ю. Последние свидетели Великой Отечественной...: (дети в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.) / М-во образования и науки Рос. Федерации, Костромской гос. технол. ун-т. Кострома: Изд-во КГТУ, 2011. 286 с.
78. Бондаренко Л. А. Выживание гражданского населения в военном Сталинграде: по воспоминаниям очевидцев // Этнография Алтая и сопредельных территорий: материалы 9-й междунар. науч. конф., Барнаул, 28–30 окт. 2015 г. Вып. 9 / Алт. гос. пед. ун-т, Нац. исслед. Томский гос. ун-т, Ин-т археологии и этнографии Сиб. отд-ния Рос. акад. наук; под ред. Т. К. Щегловой. Барнаул, 2015. С. 321–327.
79. Региональный центр устной истории, г. Воронеж. URL: <http://www.historyvoice.ru/?file=kop1.php> (дата обращения: 11.10.2017).
80. Культура жизнеобеспечения // Алт гос. пед. ун-т. URL:<http://www.altspu.ru/history/kignak> (дата обращения: 11.10.2017).

Shcheglova Tatiana K.

Establishment and development of Russian oral history in the 1980–2010th years in the context of social, political and scientific life in Russia and in comparison with international traditions of oral history

Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russian Federation

Abstract. The article analyses factors and reasons which determined the establishment of Russian oral history in the context of perestroika, the development of historical science and international practice; the cross-cultural peculiarities of Russian oral history in comparison with American and European oral history have been revealed. The conditions and participants of the processes of institutionalization of oral history, topics and areas of focus of oral history research projects during the 1980–2010ths years are characterized. Education and the activity of the first scientific societies of oral history in Russia, their objectives, goals and forms of research are described. The conclusion about differences between capital and regional centers of oral history is made. The author describes their activity, points out the periods of their development, defines the approaches, forms and topics of capital and regional centers of oral history. The article reveals new tendencies of the modern period of Russian oral history, such as switching from researching taboo topics and elimination of source hunger to anthropologization of research activity of oral history centers. **Keywords:** *perestroika, post-Soviet period, Russian historical science, Russian oral history, capital and regional centers of oral history, forms, approaches, tendencies of activities, Russian historians.*

Оглавление

<i>Щеглова Татьяна Кирилловна</i> От редактора: историческая память, устная история (oral history), этнография и культурная антропология	3
Часть 1	
История и методология устной истории	
<i>Аблажей Наталья Николаевна</i> Реконструкция поселенческой системы армянской ссылки на Алтае методами традиционной и устной истории	7
<i>Жанбосинова Альбина Советовна</i> Фрагменты устной истории из архивных материалов политических репрессированных	21
<i>Рафикова Светлана Анатольевна</i> Устноисторические источники как способ оживления Истории	34
<i>Шагоян Гаяне Арутюновна</i> Видеозапись устной истории как источник и метод исследования сталинских репрессий в Армении	45
<i>Щеглова Татьяна Кирилловна</i> Становление и развитие российской устной истории (oral history) в 1980–2010 годы в контексте общественно-политической и научной жизни России и в сравнении с международными традициями устной истории	60
Часть 2	
Антропология репрессий: травматические места в исторической памяти	
<i>Аблажей Наталья Николаевна</i> Тема османской и советской депортаций в коллективной памяти армян-репатриантов	107
<i>Красильников Сергей Александрович</i> Две ссылки в одной	116
<i>Харатян Грануш Сергеевна</i> Политика покорения памяти, или «приказано забыть»: превращение памяти в социальную и семейную «тайну» и оружие против носителей памяти (на примере Геноцида армян).	126